

СЕЗОН

повесть

Автобус клонился на крутых виражах, в салоне звенело стекло и слоистые облака табачного дыма томно выгибались в причудливые фигуры. Остались позади квадраты возделанной земли, цепь фруктовых деревьев вдоль трассы: чем дальше на восток, тем однообразней становилась унылая равнина до горизонта, суровая тоска желтеющих барханов, белые плешины солончаков, призрачная цепь гор на горизонте – пустыня! Темнели островки снега в тени, бугрился потрескавшийся лед в арыках. Но открытое окно салона уже черпало из воздушных струй оттаивающую прель земли, напоминая, что зима на исходе и со дня на день можно ждать весны.

Автобус мчался по бетонке, вдрызг прожившиеся за зиму работяги-сезонщики томились бездельем дороги. Димка-Китаец фатально проигрывал, каждая его битая взятка оглашалась азартным ревом болельщиков. Длинноносый, лохматый Хохол уже лениво, без бывшего садизма, бил колодой по его бесчувственным ушам и предлагал закончить игру. Щелки глаз на бледном Димкином лице попыхивали дьявольскими огоньками.

– Сдавай! – снова требовал он.

– Завязываем, – гыкал, скалясь, Хохол. – У тебя уши, как пельмени, вдруг отвалятся! На что походить будешь? На ...

– Сдавай! Всю дорогу играть будем! – зло процедил уроженец Харбина, репатриант, потомок белоэмигрантов.

Автобус вздрогнул от рева, и водитель, ругнувшись, крепче вцепился в баранку.

– Хохлу хана! – кричали.

Фортуна потрепала крупные кольца волос игрока и повернулась к нему широкой спиной. Ни одна мышца не дрогнула на призрачном лице Димки, только мелко затряслись, забегали пальцы. Хохол невозмутимо

запустил неуклюжую пятерню в кудри, с готовностью обнажил ухо. Глубоко запавшие глаза партнёра пуговицами полезли на лоб, челюсть отпала. Он бросил карты на сиденье и визгнул с отчаянием придавленного зверька:

– У него ушей нет!

Маленькие ушные раковины под густыми волосами были словно приклеены к прочному черепу.

– Нет ушей! По носу его! – кричали из салона и топали ногами.

– Не было такого уговора, – ворчали на задних сиденьях. И Хохол неуверенно пробурчал, косясь на кончик своего длинного носа.

– Вообще-то на уши договаривались?!

– Нос! – вскрикнул Китаец, и его мелкие зубы зловеще оскалились.

Спокойно и точно он выдал пятнадцать ударов десятью картами, подобрел, обмяк. Нос Хохла заалел с одной стороны.

– Ну, погоди! – дернулся он, смахивая выступившие слезы.

Можно было проехать в каком-нибудь километре от посёлка геологов и не заметить его среди ложбин и барханов, если бы не труба котельной. Она издали маячила черной дырой прострела, вздымалась над равниной по мере приближения, глумилась над воображением путников причудливыми очертаниями. Трудно было догадаться, что это, пока не появились домики и вагончики. Пронизывающий ветер зализывал надувы песка и снега, холодное солнце невыключенным с ночи прожектором болталось в вышине.

Сюда, как в обычный степной поселок, можно было въехать с любой стороны, но на одной из десятков подходивших к нему дорог стояли ворота, рядом обшарпанное ветрами панно со скалящимся мужиком в каске. Грозное лицо его было рыжим от пятен ржавчины. Внизу еще читалась поблекшая надпись: «Сдадим месторождение в срок».

Два самых больших поселковых барака занимали бурильщики – народ основательный, годами, десятилетиями тянувший лямку в одной бригаде, в одной геологоразведочной партии, по-хозяйски обжившийся в комнатах общежитий, не то, что временщики: шоферы, сварщики, ремонтники,

кочегары, уборщицы и прочая сонливая и мобильная до перемены мест братия.

О сезонщиках разговор особый – их ждали к весне, как неизбежного зла. При последних заморозках и первых оттепелях появлялись эти работнички, в городах, тайге, пустыне и, кажется, в самой жизни люди временные. Они не только с поразительным равнодушием принимали неудобства быта, но и с удивительной небрежностью разрушали уют вокруг себя. Если их селили в комнаты барака, то после сезонщиков приходилось ремонтировать общежитие, если в вагончики – от них оставалось лишь металлическое покрытие, да и то не всегда целое.

Эта зима была не совсем обычной: в поселке ждали не только сезонных проходчиков поверхностных выработок – канавщиков – но и две бригады подземщиков. Для защиты месторождения нужны были сотни тонн руды, которых не могли дать буровики. «Покупатель» не хотел верить картам и схемам, он желал потрогать рудное тело своими руками.

В общем-то, добродушные люди, предвидя масштабы близящегося зла, загодя встали плечом к плечу на собраниях партии и экспедиции – не принять сезонщиков не могли, но свести зло к возможному минимуму надеялись и потому, в трех километрах от поселка, туда, где планировалось пробить глубинные шурфы, привезли и поставили три вагончика. Вскоре возле них, на отшибе, начала расти груда механизмов и материалов.

Кончалась зима. Поселок жил привычной размеренной жизнью. Время шло к вечеру, к пересменке, на вышках устало тренькали буровые трубы, буровики степенно смывали с себя вибросмазку. Новая смена возле столовой сыто цыкала и дымила сигаретами. Во все стороны от них, на сколько хватало глаз, развернулась равнина: плоская, как сковорода, изрытая корявой рябью балок и барханов. Из-за горизонта жуком выползла машина, и три десятка скучающих глаз уставились в ее сторону. Запоздалым гулякой мотался серый от пыли автобус. Вот он выкарабкался из-за бархана, мигнул тусклыми лобовыми стеклами и пропылил мимо.

– Чего это он? – приглушенно удивлялся кто-то в толпе. – Заблудился?

– Горняки приехали! – вскрикнул пожилой бурильщик, смешливый и толстый.

– Рано еще, – настороженно отозвался другой голос. – Да и в столовую заехали бы, что они, не люди?

– В свой лагерь прямиком пилят, – провожая автобус взглядом, поддержал толстого бурильщика его помбур. – За тринадцатой бригадой их вагончики.

Тринадцатая бригада стояла в низине, чтобы увидеть вагончики горняков, нужно было подняться хотя бы на конструкцию копра. До того ли сдающим смену? Между тем в скором будущем каждый буровик мог описать приезд подземных проходчиков, будто видел все своими глазами. Когда рассказ этот, сделав круг по буровым, баракам и конторе, дошел до самих горняков, Мишка Лаптев звучно сплюнул, выражая отношение к другим профессиям, а Фокин костяшками пальцев постучал по своей голове, комично похожей на верблюжью.

Рассказывали так.

Заваливаясь с боку на бок, автобус дотянул по бездорожью до трёх вагончиков, ткнулся мотором в песок и зашипел. Из дверей салона кулём вывалился Сашка Шульц, выделывая ногами кренделя, поплелся к запертому вагончику, затарабанил в дверь:

– Па-ачему нет оркестра?.. Касым! Это я, Саня Шнапс! Ты все еще живой, Касым?

Между тем на песок летели портфели, чемоданы, рюкзаки. Скрипели рессоры автобуса, рабочие выгружали свои вещи, а на вечеряющее небо засветло выползал косорогий месяц.

– Выходи, Касым, мы приехали! – не унимался Сашка Шульц и колотил каблуком в громящую жестяную дверь. Она распахнулась, навстречу приезжим выпал обалдевший от сна и одиночества мастер, раскинул руки для объятий, со счастливой улыбкой на помятом лице, под

радостные вопли Шульца, он обнимал незнакомых людей, жал руки, хлопал по плечам. И тут из салона автобуса, как из белой горячки, к нему вышли двое: Китаец с сизыми лопатами ушей и Хохол с вывороченными ноздрями опухшего носа... На мгновение Касым замер с открытым ртом, потом переломился в пояснице и выпрямился, пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

Бурильщики в голос утверждали, что в тот миг заскрежетала груда сваленных в кучу лебедек, моторов, тросов, из-под них вылез здоровенный мужик в кирзовых сапогах, с двухнедельной щетиной на опухшем лице, поправил на плече огромную дубину и заковылял к Касыму. На его не по сезону голой груди синела татуировка «Кондрат». Говорили, будто он размахнулся на полный выброс руки и опустил дубину прямо на голову мастера. От такого удара тот бревном рухнул на песок.

– Касыма кондрашка хватил! – закричал, Шулец, размахивая руками. Рабочие столпились вокруг мастера, поливали его водой, делали искусственное дыхание, влили в рот оставшуюся соточку, он ожил, открыл один глаз, покосился на Хохла с Китайцем, дернул ногой и опять потерял дыхание.

– Чего не бывает от одиночества, – глубокомысленно заявил Фокин и с верблюжьей надменностью задрал нос: – Я в прошлом году целый месяц ждал... Однако, слабоват Касым для мастера...–

– Да не кондрашка это, – оборвал проходчика Шнапс, пытаясь поставить товарища на ноги. Кивнул в сторону картежников, выбиравших из общей кучи свои вещи, –Чебурашку с Крокодилом увидел и зашелся. Ну и рожи!

Павел Максимов – новый начальник подземного участка геологоразведочной партии – получил ключ от комнаты общежития на территории поселка. Она отапливалась котельной, свежая краска дышала душноватым теплом, новый блестящий линолеум был истоптан рифлеными

сапогами. Как и проходчики в лагере, Паша в первую очередь занялся благоустройством жилья.

Начинался его первый сезон в геологии. После окончания горного факультета Максимов три года работал в научно-исследовательском институте, слыл неглупым парнем, потому никого из сотрудников не удивил его переход в геологию, да еще на край света, в пустыню. Что могло светить крестьянскому сыну в НИИ? Жалование старшего инженера – когда-нибудь, и сельхозработы до пенсии. А отсюда он мог вернуться с производственным стажем и партбилетом, шутя защитить диссертацию.

Но у Максимова были и другие соображения. На колдобистом аэродроме, еще дурноватый от грохота перелета, Паша посмотрел на полосатую морковку, трепетавшую на ветру, на чуть видневшуюся цепь гор с юга, шмыгнул заалевшим носом и сказал себе: «Уж здесь-то люди должны жить, как люди!»

От поселка к аэродрому шагал парень в поношенной телогрейке, в кирзовых сапогах, с простым лицом. Улыбаясь, Паша протянул руку:

– Скажи, браток, как найти начальника партии?

– Он будет только к вечеру, – сказал парень, отвечая на Пашину улыбку. – А вы откуда?

– Может быть, главный инженер здесь? – опять спросил Максимов.

– Здесь!.. Я и есть – главный! А ты, значит, горняк?

На простецком лице парня была почти та же улыбка, только взгляд стал резче, любопытней – так смотрят на подчиненных и зависимых. Он махнул обветренной рукой в сторону барака с флагом:

– Подожди меня там!

В этом коротком разговоре что-то не понравилось Максиму, но досада была мимолетной, а от раскинувшейся шири, от ощущения большого начала захватывало дух. Паша, улыбаясь, шел по поселку и здоровался с незнакомыми людьми...

Устроился он недурно. Добыл стол и пару стульев, выпросил у кладовщика тумбочку, выкинул из нее перегородки и приспособил под полку для книг.

На другом конце поселка курилась труба бани. Еще утром главный инженер предупредил, что сегодня помывка с настоящим сухим паром. Паша завернул чистое белье в хрустящее полотенце, накинул новенькую телогрейку на голое тело и вышел, не замыкая комнату. Кажется, он пришел первым, хотел уже раздеться, но в предбанник влетел холопского вида кочегар.

– Куда лезешь? – раскричался, напирая. – Начальник партии еще не парился.

Паша с красными пятнами на лице в упор смотрел на чумазого банщика, и машинально застегивал распахнутую телогрейку. Банщик почувствовал молчаливую готовность постоять за себя, прошмыгнул мимо, проворчал, что-то переставлял в углу.

– И когда же он соизволит попариться? – сквозь зубы процедил Паша.

– Начальству видней. Когда захочет, тогда и придет. – Банщик понял, что перед ним новичок, на лице его мелькнула растерянность: кто знает, что за человек? Мягче пояснил:

– Пока начальник не помоется, не положено никого пускать...

Паша развернулся и пошел к себе, распиная камушки под ногами. Захлопнул дверь, бросил на койку сверток. За окном не было никаких строений – только равнина до горизонта, редкий низкорослый кустарник, песок. Пустыня! Он читал и слышал о ее недолгом цветении, но сейчас ему показалось, что эта скудная земля неизменна во все времена года, как старик, забывший год рождения, всегда одинаково морщинистый и древний. Что с того, что весной она преображается – лицемерие, свойственное старости!

Паша сбросил телогрейку, прошел из угла в угол, сел за стол. На его участке числились: двадцать один проходчик, четыре горных мастера. Нужно

было принять четырех компрессорщиков. В дела его ввели еще в управлении экспедицией.

Фокин зимой, в межсезонье, работал там же. Как только Пашу утвердили в должности – нашел его и обещал подобрать людей. Он метил в бригадиры и был инициативен. Максимову это нравилось. С некоторыми из его людей он познакомился, они работали в экспедиции не первый год и зимой часто отирались при конторе, выпрашивая авансы.

Со второй бригадой было сложнее: здесь много было случайных людей, но, судя по документам, есть и опытные ребята.

Повезло Паше – ему удалось не думать о сегодняшнем дне: о бане, главном инженере и начальнике партии. А мысли лезли в голову невеселые, что, скорей всего, здесь, в пустыне, на краю света, – все то, от чего он хотел убежать. За окном темнела унылая равнина, но где-то далеко на юге теплый ветер все настойчивей рвался через горные хребты.

* * *

Компрессор вздрагивал дребезжащим корпусом, жалобно скрипел коленвалом, стрекочущий пускач раз за разом перегревался. Фокин ругал ремонтников и с утробным хеканьем дергал шнур.

– Ремонтная группа называется... Ап! – его плевки с резким чиканьем отскакивали от перегревшегося коллектора.

Наконец компрессор схватил: мелко задрожал, выпустил в хмурое предвесеннее небо сизое кольцо дыма, потом другое, зашипел ресивер, наполняясь воздухом, напряглись резиновые шланги, и возле кучи бревен неуверенно завывала пневмопила. Еще вчера все были просто проходчики подземного участка, порой забывали, кто в какой бригаде, черта, разделявшая их на две половины, была туманна и условна, как линия горизонта в это время года. А сегодня, пока Фокин присматривал в куче оборудования, что получше, другой бригадир, перешептавшись со своими, начал строить баню: когда еще придет бульдозер, когда еще дадут

подъемный кран? Только на строительстве бани бригада могла заработать сотни полторы, да эстакада, обустройство...

Касым засобирался в какой-то ближайший совхоз. За мастером увязался проходчик Козоглазов, говорил, где-то поблизости живет свояк, найдем – поможет. Фокинские жались к печке в прокуренном вагончике-бытовке, поругивали Касыма и Козоглазова: дело шло к обеду, а бульдозера все не было. Хвостов с Лаптевым – краснорожие, телогрейки нараспашку – стучали топорами... Шульц, шмыгая носом, пилил стояки. Ежась на ветру, фокинские невпопад давали советы и снова возвращались к печке.

К обеду подкатил маленький экскаватор с миниатюрным ковшом, переброшенным через кабину, словно ядовитый хвост скорпиона. Двадцать глоток загалдели виртуозной бранью. Фокинские толпой вывалились из вагончика. Громче всех кричал Мишка Лаптев:

– Говорил же, говорил Касыму – бульдозер нужен, – размахивал руками: – Р-раз – траншеею до коренных пород, крепление – бац! – поставили, траншеею засыпалии... алга! Делай погонные метры...

Хвостов, попинывая сапогом металлическую пригоршню ковша, плюнул в нее:

– Вручную быстрее отлопатим!

Экскаваторщик, хмурый и мутноглазый, зашел в бытовку, молча выщедил кружку чая, крякнул от его вяжущей крутости и стал собираться обратно в совхоз.

– Не подходит? Забот меньше!

– Ты что, мужик? – сменили тон проходчики. – Копай, если послали!

Через минуту надменный Фокин грудью напирал на ошестинившегося, малорослого Лаптева.

– Доводи до ума свое дело, банщик. Тебе еще на сутки работы хватит.

Хвост сдвинул к переносице штришки бровей, стал заходить сбоку. Подперев бока руками, здоровенный Крокодил стоял за спиной Лаптева, а Димка-Китаец-Чебурек ушловато зыркал пуговицами глаз, еще путаясь, кто

своей, кто чужой. Экскаватор газанул, выпустив густую струю дыма, и пополз к отметке фокинского шурфа. Кто-то смысленный залез в кабину и разом прекратил спор. Угрюмый экскаваторщик часто замигал белесыми ресницами, не понимая, что за сила тянет его машину в гору. Потом подскочил, нахлобучил шапку и затопал сапогами.

Дело было проиграно, и Лаптев, огрызаясь, отступил к своим, а они, помолчав, начали готовить венцовую крепь, застучали топорами возле бани. Крокодил с Чебуреком перемигнулись, позвенели у вагончика новенькими гаечными ключами и полезли в груды оборудования.

«Скорпион» марионеточно дергался и греб ковшом под себя на фокинской разметке. Бригадир насмешливо поглядывал на Лаптева, сгорбившегося над урчащей пневмопилой.

Среди тех, кто строил баню, самым старшим по возрасту был, не то Иван, не то Степан – все его звали Дедом, с утра он, вроде бы, гоношился, покрикивал, как петух с общипанной шеей, после обеда разомлел и скис, прихрамывая, вертелся то возле Лаптева, то возле Хвостова, ныл:

– Ногу наколол: ни встать, ни сбегать...

– Так ты разве в нашей бригаде? – с серьезным лицом подначивал, Шульц. – С утра вроде у Фокина терся.

Дед плевался: «Пустомеля долгоносый!» Бил себя кулаком в грудь под новой, застегнутой на все пуговицы телогрейкой.

– А ямы под стояки кто копал?

– Так я думал, для согрева, – насмеялся Шульц. – А уж если ты полноправный член нашей бригады, надо сходить на станцию за справкой. Как без справки? Кто поверит, что работать не можешь?

Дед ругался в голос, на ветру разматывал портянку на восковой ступне, тыкал скрюченным пальцем в пятнышко, бывшее якобы ранкой.

– Ты, что ли, бригадир? Чо балдеешь?

– А кто, если не я? – с комичной серьезностью распрямился, Шульц.

Дед ворчал, аккуратно наматывая портянку на ступню, поглядывал на Лаптева и Хвостова. В общем-то, бригадира, как такового, еще не было, но ясно, что им будет не этот хохмач Шнапс.

В сумерках, громыхая стрелой, на площадку приехал подъемный кран. За четверть часа до этого из поселка привезли горячий ужин в термосах, и проходчики разбрелись по вагончикам. Лишь Чебурек с Крокодиллом позвякивали ключами в груди оборудования, монтировали новый шурфовой кран – кэша. Другой был обшарпан, видно, не один год служил шурфовикам.

Подъемный кран остановился возле бытовки, когда многие считали рабочий день законченным, кто-то уже умылся и переоделся. Хвостов выскочил из вагончика, озлился, чувствуя, что Фокин может нахрапом захватить кран. Но из кабины подъехавшей машины уже махал Чебурек, а в новом шурфовом кране заперся Крокодил и скалился, показывая распухший нос фокинской бригаде. Ловко. Теперь и лучшее у них, и спать лягут раньше. Фокинские хмуро поглядывали на неутвержденного еще бригадира. Сами, конечно, прошляпили, а виноват кто? Бугор!

– Темнеет рано! – кричал Лаптев на другой день. – Времени на монтаж в обрез. Скоро с нас метры потребуют. А где они?

Погонных метров проходки еще не было, но груда оборудования вокруг вагончиков уменьшалась, расползаясь по местам. Шурфовые краны, словно огромные чайники, встали на срубы. Уже не вручную, а «кэшой» подтягивали бревна и ставили в ямы столбы для прожекторов, тянули провода.

В эту ночь впервые не топили прожорливую печь, только светила в темноте толстая спираль электрообогревателя. Было душно, а за тонкой жестяной стеной подвывал пустынный ветер, все еще ледяной, без всяких признаков подступающей весны.

* * *

Нужно было провести рабочее собрание, но Паша уже четвертый день откладывал его. Прибежал Касым, подробно сообщал, что сделано за смену,

просил то лес, то подъемный кран. Максимов выслушивал, кивал и шел к диспетчеру, потом к главному инженеру. Тот долго думал, вздыхал, разводил руками и отправлял к начальнику партии:

– Без Отана Бармбаевича не могу решить... Сходи сам.

В тонкостенном бараке половину площади занимали крошечные комнатки бухгалтерии, ОТиЗА; касса и отдел кадров – совсем вроде одноместных клозетов. Вход на другую половину был обит солидным черным дерматином с медным крапом узора. На нем блестели дверные ручки. В прихожей, размером с хорошую комнату, возле пишущей машинки совой хохлилась секретарша.

– Начальник у себя? – не здороваясь с ней, ссутулился у дверей Максимов.

– Занят! – не оборачиваясь, процедила сквозь зубы она, поправила теплую шаль на плечах, передвинула ноги в валенках и снова по-птичьему замерла на мягком стуле.

Паша не ждал в прихожей, но кружил по поселку, косясь на солидную дверь, выпирающую сытым брюхом из ряда обшарпанных филенок. Наконец она распахнулась, на крыльцо, переваливаясь на неловких ногах, выкатился аксакал в хромовых сапогах, следом почтительно высунулся седой ежик начальника геологоразведочной партии. Едва закрылась дверь, Паша пронесся мимо проснувшейся секретарши в просторный кабинет. В который раз начальник встретил его одним и тем же возгласом:

– А-а! Молодой специалист! На меня не очень-то рассчитывай. Вы – подземка, сезонщики, вроде отдельного государства. Чем можем – поможем, а за остальное пусть у тебя голова болит, – и всякий раз добавлял: – К ноябрю с шурфами разделаешься – наградят! Опоздаешь – высекут! Кран нужен?.. Освободится, бери. Скажешь, я приказал.

И снова Максимов маялся, ходил из угла в угол. Пора было проводить собрание, и этот первый шаг казался ему главным. Собрание должно пройти непринужденно, как самая обычная беседа. Такое условие казалось

Максимову очень важным. Но как это сделать? Тянул время начальник подземного участка – не зная, как все устроить.

Мимо окна, подняв хвост пыли, прошла вахтовка на шурфы, повезла обед. Паша натянул толстый свитер, надел новенькую геологическую штормовку и отправился туда же пешком. Прикидывал по дороге: пока проходчики пообедают да отдохнут... Надо прийти в тот момент, когда люди начнут собираться на работу: чтобы не испортить перекур с дремотой и не искать рабочих по местам. Холодный ветер вырывал из-под сапог струйки песка, тренькали под ногами гранитные пластинки. Паша прикрывал плечом стынущую щеку, плотней подвязывал башлык штормовки. На площадках возле шурфов никого не было. Вот кто-то выскочил из вагончика, выплеснул из миски остатки еды и снова исчез за дверью.

Паша закружил среди барханов, не спеша на участок и рассчитал правильно: за металлической стенкой покашливали и кряхтели, Лаптев гнал кого-то бурить. Паша втиснулся в набитый вагончик-бытовку. Проходчики в телогрейках лежали даже на полу. Касым вскочил с красными дремотными глазами, подвинул начальнику стул, налил в кружку чаю. Паша глотнул, обжигаясь, и начал, с виду непринужденно, хотя каждая фраза была им тщательно продумана.

– Я никогда не работал на производстве, поэтому не удивляйтесь, если что делаю не так, поправляйте. Такое дело: нужно срочно подать начальству списки бригад, бригадиров и звеньевых. Вы друг друга лучше моего знаете – решайте. И еще надо определиться, как будем работать: двумя бригадами в один котел или иначе – подумайте...

Фокин тряхнул редкими засаленными кудряшками, потянулся и протрубил:

– Что тут думать? Прошлый год каждая смена пахала на себя. В последний день измеряли метры, брали справку у маркшейдера – и домой... Мастер и начальник участка закрывали наряды.

Паша молчал, и несколько мгновений тишины слегка смутили компанию в бытовке. Не дождавшись слов начальника, принужденно зевнул Лаптев:

– А что? Дело налажено. Дальше можно каждому за себя. А то, что сейчас сделали, делим на смены в бригадах.

Славка-бич, хекая, потянулся к окну, закурил, скривился:

– Ерунда это – каждый за себя! Будут склоки, раздоры...

– Зато никто на чужом горбу не поедет, – возразил товарищу Димка-Чебурек и пригладил подживающие уши.

Люди окончательно стряхнули с себя послеобеденную дремоту, и начали заводиться, ожидая решительного вмешательства начальника участка. Но Паша упрямо молчал, внимательно слушая говоривших, лишь приговаривал в минуты затишья:

– Решайте сами. Мне все равно, лишь бы шурфы вовремя сдать.

По отведенной себе роли он, вроде гербовой печати, должен был придавать силу законности воле всех.

У каждого был свой путь в эту геологическую, затерявшуюся в Прибалхашье, партию, на этот сезон. Игорь стремился попасть на работу в музей истории и археологии. Зимой такая возможность появилась. Он рассчитался на прежней работе, но случились какие-то интрижки с перестановкой кадров и закончились не в его пользу. Случайно Игорь зашел в управление геологии, на всякий случай взял направление на работу проходчиком поверхностных выработок, случайно оказался в поселке чуть раньше, чем ждали. Главный инженер отправил его в реммастерские помочь слесарю-дизелисту, хотя к этой работе он не имел отношения. В мастерских его встретил Паша, попросил помочь установить компрессор на шурфах. Затем, узнав, что у Игоря есть водительские права и он, в студенчестве, подрабатывал автослесарем, добился, чтобы его перевели на подземный

участок компрессорщиком. За неимением специалиста, достаточно было и этого.

Горняки закончили подготовительные работы. Бригады с двух шурфов разделились на смены. Счастливики, хоть и с незавидным авансом, весело шумели у конторы поселка, ждали вахтовую машину. Для начала нужно было выбраться на железнодорожную станцию, а там поездами по своим городам и поселкам, чтобы через полмесяца вернуться.

Игорь остался еще на полмесяца.

Отъезжающие тряслись в пыльной вахтовке, лихо мчавшейся по ухабистой дороге, чихали, кашляли, отплеывались от пыли. Славка потянулся к застегнутой отдушине в брезентовом тенте, с трудом открыл ее, хотел перехватить чистого воздуха, но, выглянув, завопил: в пустыне была весна. На унылую равнину будто уронили покрывало из ярко-зеленого шелка. Сверкали желтизной барханы, серебрились кружева солончаков. Каких-то двадцать-тридцать километров весне оставалось добираться до поселка геологов, чтобы сверкнуть, как вспышка взрыва, потрясти и исчезнуть до следующего раза.

Игорь выключил компрессор, залил в бак топливо. До конца смены оставалось часа два, бурить ни на одном из шурфов не собирались. Томясь бездельем, компрессорщик решил отправиться в поселок пешком и поужинать в столовой. Он остановился на каменистой возвышенности, почувствовав странное волнение, осмотрелся. Зеленые блики изломом бутылочного стекла слоились на горизонте. Даже под ногами в чахлах прядях прошлогодней травы зазеленело. За спиной тренькнули камушки. Игорь обернулся, увидел начальника участка, смутился, все-таки на два часа раньше ушел с рабочего места. Паша молча протянул ему руку, встал рядом, всматриваясь в черту горизонта, вздохнул:

– Еще вчера смотрел с этого места – голь, серость! А сегодня, чувствуешь? – Он помолчал, глядя вдаль, и тихо заговорил: – Иногда нападет

тоска, думаю: и зачем люди живут в таких местах? А в другой раз кажется, и здесь можно построить райский город...

Игорь кивнул:

– Да, странная земля. Сейчас не верится, что за все это веками разные народы резали друг другу глотки. Впрочем, – добавил насмешливо, – не ради райского города: здесь искони добывали медь.

– Одно другому не мешает, – улыбнулся Паша. – Дай нам с тобой и с нашим участком это месторождение: так, чтобы государству налоги платить, а остальное тратить по своему усмотрению, наверное, и мы бы здесь город отгрохали и райские сады развели.

– Кто же тебе разрешит присвоить месторождение?.. Пусть даже с пользой для всех.

Не разрешит, конечно, – вздохнул Паша. – Да и не это, пожалуй, главное: где взять подходящих людей? Вчера был в животноводческом совхозе, запчасты искал, гляжу, кошару ремонтируют. Один мужик бревно на крышу затаскивает, другой стоит и смотрит. Спрашиваю: «Что не поможешь?» А он мне эдак серьезно: «Я – звеньева». У нас на участке вроде бы не так, но все равно... – безнадежно махнул рукой.

Игорь постучал пальцем по часам на руке:

– Надо успеть в столовую, пока не подъехала смена. – Усмехнулся: – Городу не быть, и бог с ним: пусть пустыня останется пустыней – это тоже нужно.

Они зашагали рядом в сторону поселка, Игорь через минуту забыл бы ничего не значащий разговор, но Паша не пожелал поставить на том точку.

– Прикинь, – продолжал на ходу, – свободное содружество трудящихся: ни начальников, ни подчиненных – только профессии. Ведь директор – это профессия, а не положение, правда? Были бы люди приличного уровня культуры, которых нам с детства в кино показывали, можно было бы изменить и производственные отношения, а следовательно, производство.

– Оуэна, Мора читал?

Паша мотнул головой:

– Помню по политэкономии проходили, но не читал.

– Все, что ты говоришь, было обдуманно, обсосано и выброшено на свалку еще в прошлом веке, – учительским тоном вещал Игорь. – Не забывай, что на дворе восемьдесят четвертый год – реставрация покоя. А то, что ты говоришь про процент с прибыли – давно существует: поговори с Колей Авдеевым, он из старательской артели... И вообще, – спросил раздраженно: – Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь, – серьезно ответил Паша.

– Мне тридцать, но это не важно. Жизни, по-моему, ты не знаешь.

Паша засунул руки глубоко в карманы, ссутулился, зло хохотнул:

– Что за народ, гуманитарии? Чему вас учат? Какую идею ни двинешь – один аргумент: этого читал?.. И этого не читал?.. Так чего выступаешь? – А копнешь чуть глубже – за вашей эрудицией-то голимая пустота... Ладно, пусть я не прав, но ты ведь тоже видишь, все вокруг не так, как надо, будто завтра конец света. Ты-то что можешь предложить?

– Могу предложить ничего не предлагать! Делай свое дело не хуже, и не лучше других. В свое время все само собой придет и определиться.

– Лучше-то почему нельзя? – искренне удивился Паша.

– Может быть, в геологии назрела пора реформ, а ты начнешь давать три плана и притормозишь ее.

– Ну, это уж ты того, закрутил, – уверенней возразил горняк, – Ничего само собой не приходит!

Двое шли в поселок по пыльной дороге. Паша размахивал руками, строил в воображении город-рай: дома и фонтаны, отделанные розовым ракушечником, вечерние огни возле кафе, улыбки и смех в сумерках. А главное... «Здесь нет врагов, здесь все мы люди, здесь каждый кто вооружен нелеп и глуп, как вошь на блюде» - закончил хрипловатым баском, подражая Высоцкому.

Игорь снисходительно посмеивался над технарем, но шел за ним по зеленым улицам поселка-фантома, в фантастическое кафе, где нет очередей и привычного хамства. Потом, со скрытой злостью изрек:

- Изуродовали наше поколение идеалами через книги и кино, теперь расхлебываем правду жизни!

* * *

Мишка Лаптев – низкорослый, не коренастый, с прикусом и торчащим из-под губы клыком – походил на злющего пса-кабыздоха с непомерной для роста луженой глоткой. Он кричал, что все сачки, потому и нет погонных метров проходки. Через полторы недели наряды закрывать, а что вписывать..? Шнаповские байки?

На шурфах, чертыхаясь, углубились лопатами метра на три, порода, вроде бы, пошла покрепче. Шульц настроил перфоратор, не терпелось делать работу проходчика, а не землекопа, крикнул Интеллекту – заводи!

Загудел компрессор, напряглись шланги воздухом и прерывисто застучал перфоратор. Смена фокинской бригады насмеялась: она решила лопатить грунт до коренных пород.

Лаптев с Шульцем и взрывником зарядили обуренный забой, протянули магистраль от электродетонаторов за вагонетку на эстакаде. Взрыв! Вместе с породой вынесло стекла кэша. Проходчики Фокинской бригады хохотали, как сумасшедшие и приплясывали. Тоскливо будет ночной смене. Ох, и разорутся. Бригадир представил встречу с Дедом, с Колей-Старателем, ругаясь, прыгнул в шурф, стал на пару с Шульцем выгребать породу в бадью.

Чебурек сидел за пультом управления в кабинете шурфового крана с выбитыми стеклами, грузил вагонетку за вагонеткой, откатывал по эстакаде на пару метров, опрокидывал короб вагонетки в ячейку, геолог внимательно рассматривал образцы породы. Пошла работа!

Ночью Коля-старатель грузил бадьи без передышки: он был некурящим. Все громче ворчал в кэша его напарник – Дед. Ну и ночка была:

звезды сверкали, будто дневная смена натерла их машинным маслом, стужа срывалась с невидимых гор с тонким пронизывающим ветром. Скулил Дед в кабине с выбитыми стеклами. Он залатал проемы фанерой, оставив отверстие для одного глаза, но все равно было невыносимо холодно.

А Коля в шурфе вытирал мокрой рукавицей потное лицо. Одежда на его спине курилась паром, по воротнику и манжетам серебрилась инеем. Дед прижимался к электрообогревателю. Резиновые сапоги смрадно дымили, а пальцы ног немели от холода.

Какие сны снились дневной смене, не уберегшей окон? С сумерек до рассвета Дед то шепотом, то в полный голос ругал Чебурека и Лаптева с Шульцем. Последнему доставалось больше. Порой, впадающему в тяжелую дрему, Деду казалось, что и ночь, и мороз, – все это проделки долгоносого, хохмача. Доставалось и Коле.

– Вылазь, время обедать, – со злой слезой крикнул Дед, свесившись через ограждение в шурф.

Проходчик задрал вверх полное, пышущее жаром лицо.

– Ночью есть вредно! Врачи так говорят.

Дед слегка заголосил в ночи, завернулся в две телогрейки, толкал в рот куски сала с хлебом, жевал, давился, гундосил проклятья, а Коля всю смену работал с огоньком, будто чувствовал моральную поддержку сверху.

К утру Дед бросил шурф, пошел наполнять водой бочки в бане. Злые гудки ревуна неслись от шурфа: Старатель бурно возмущался, что полная бадья не уходит вверх. Дед слышал сигналы и злорадно хихикал, показывая дулю ржавой бочке, наполняющейся водой.

К утру пар валил из щелей электробаньки. Что за конец смены без помывки? Уж в ней-то Дед знал толк. У него в мешочке и вехотка знатная – не один десяток на базаре перещупал, пока выбрал, – и мыло с особым духом. Коля намылил жесткий ежик хозяйственным, провел по бокам скрипучим куском поролона, вылил на голову тазов пять горячей воды и схватился за полотенце.

Зевая, из жилого вагончика вышел Лаптев. Дед, вдев ногу в штанину, высунулся из двери, закричал про выбитые стекла. Лаптев молча протиснулся мимо него в душную, сырую баню, плеснул в лицо водой. Из жилого вагончика потянулась дневная смена. Мастер Касым с припухшим лицом выпрашивал у Коли о забое. Дед громко встревал, высовываясь из сушилки, дергался острый кадык на его шее.

Все расселись в бытовке возле электроплитки, курили натошак, громко швыряя, пили чай – ждали вахтовку с завтраком.

– Касым?! – хохотнул, Шульц. – Что-то у тебя физиономия сикось-накось. Опять на кочерге летал?

– Не, – мотнул головой мастер, – с тех пор, как от председателя прилетел, – не сажусь. – Взгляд Касыма случайно остановился на Колином распаренном лице с искрящимся крапом пота. Было на нем что-то обещающее весело скоротать время до завтрака. Он помолчал, даже губы не дрогнули в усмешке, только в уголках раскосых глаз заискрились огоньки.

– Однако, было дело, – вздохнул задумчиво. – Вечером, когда отправил вам экскаватор и подъемный кран, думал, напрямик быстрее долечу, но заблудился...– Мастер не глядел в сторону старателя, но чувствовал, как у того лезут глаза на лоб от возмущения или удивления: – Перед тем, конечно, выпили с баскармой. Я чувствую – хорош, на кочергу – скок! И алга в родной вагончик...

Коля захохотал, обнажив крепкие белые зубы.

– Так прямо и полетел?

– А что, – невинно удивился мастер, – сел и полетел.

– Не свисти, где это видано, чтобы люди летали? – серьезней и громче завозмущался старатель.

Почувствовав игру, дружно вступая в неё, загалдели проходчики:

– С луны свалился? Искони на кочерге летают...

– Не надо пудрить мозги! – уже без улыбки, удвоив громкость, заспорил старатель. – Зачем бы тогда самолет придумывали, если сел на кусок проволоки и лети?

– Во, дает! Чему в школе учили? Хотя, на приисках, в Сибири какие школы? Аз да буки – все науки!

Не смотря на рост, ширь и гору мускулатуры, Коля одним прыжком выскочил из вагончика, вернулся с прокопченной кочережкой.

– Ну, на, полети! Полети! – сунул кочергу мастеру. – В школе не учился?! – затрубил в полный голос. – Не хуже других восемь классов кончил.

Касым осторожно взял кочергу в руку.

– Так ведь без бутылки никак...

– Это почему же «никак»? – съехидничал старатель: – Интеллигент, чего молчишь? Ты – грамотный, не им чета, так скажи...

Игорь получил тычок в бок, смутился.

– Дело в том, что на человека, как и на всякий предмет на земле, действует сила гравитации. Но алкоголь обезвоживает организм...

– Вот, вот, – загалдели проходчики, – человек на восемьдесят процентов из воды. Если с твоей-то массой мужика обезводить, без кочерги полетит, как воздушный шарик.

– Тьфу! – плюнул под ноги Коля. – Ладно, эти олухи, а ты... Еще с высшим образованием...

– Не маши руками... Не кричи, не глухие... Если бы в школе нормально учился – знал бы: выпиваешь бутылку, садишься на кочергу и алга...

– То я водки не пил, – затряс плечами Коля, – наоборот, тяжелей становишься.

– Касым, брось ты этого спорщика, рассказывай, что дальше было.

– Выпили с баскармой – мало! Потом еще! Чувствую, уже отрываюсь от земли, – покосился на Колю. – Тут заходит тракторист, который на шурф обещал поехать... Дальше только и успел схватиться за кочергу, а то как

неуправляемому? – бросил взгляд на красного от возмущения, злого проходчика. – Лечу, в ушах свистит. Час проходит – нет шурфов! Я в другую сторону часа полтора – нет и все! Потом гляжу: какие-то дома на горизонте, подлетаю – тот же совхоз и окно у баскармы открыто. Я прямо в комнату – шмяк! Слышу, председательша ругается, выдернула из-под меня кочергу, поставила на место, к печке, на меня одеяло накинула и все!

Касым поставил в угол принесенную кочергу, оттер ветошью сажу с ладони.

– Вот так, Коля, а ты говоришь – невозможно.

– Такой пожилой, а врешь, как ребенок. Слушать противно, – уж смиренно, с горечью, возразил проходчик.

– Сам ты ребенок, – загалдели рабочие. – Почти до сорока лет дожил и не знает простого.

Опять полыхнул обидой мужицкий дух, бывший старатель подскочил, закричал громовым голосом:

– Поедем домой, специально эту кочергу с собой прихватчу, если хоть на метр от земли оторвешься... – Он запнулся, подозрительно глядя в нагловатые ухмыляющиеся лица. – Нет, на два метра, если оторвешься, – поправился. – Да я тебе...

– Что?

– Что хочешь! Спорим!

– Спорим! Литру ставлю! Не выпьешь – волью!.. Ишь, летчики, на кочерге они разлетались?! А на кувалде не пробовали?

– Научим!

– Врать научите. Хм! Взрослые люди, разлетались. Хм! Садись в бадью и, как Баба Яга, по-ле-тай!

Второй раз у Паши на глазах встречались меняющиеся смены бригад. Всякий раз были возмущение и ругань. Начальник участка молчал, поглядывая на споривших, и этим только разжигал страсти.

– Куда новый перфоратор дели? Уезжали – два было, – напирал звеньевой Хвостов на бригадира Лаптева и оборачивался к Паше, призывая его в свидетели.

Исчезало все: гаечные ключи, буровые штанги, коронки, новый, в смазке, перфоратор был аккуратно завернут в ветошь и спрятан под вагончиком. Вчера бульдозер вывернул из отвала брезентовый мешок с коронками. Каждая смена в бригадах считала долгом чести обворовать на оборудовании и инструменте другую, если даже инструмент был ей не нужен.

– Коронки где? Ну, где?.. А... В отвале. Кто прятал? – кричал Лаптев.

Одна смена выпросила у геолога закрыть себе на план по нарядам, в долг, метр проходки, который еще не был пройден. Другая – отпалила забой и не убрала породу, приписав себе уходку.

Кто прав, кто виноват? Не докопаться!

Паша постучал пустой кружкой по столу. Голоса в бытовке умолкли. Хвостов еще дергал вверх-вниз тонкими штришками бровей, Лаптев с красными глазами замолк на полуслове.

– Нельзя так работать, мужики, – вздохнул Паша. – Я, конечно, надеялся на ваш опыт... Два заезда ждал, но выходит одна грызня и крайних нет. Мы об этом уже говорили со Сбитневым... Дядь Слав, скажи, чтобы мне не переиначивать сказанное.

Славка курил у приоткрытого окна, не вынимая сигарету изо рта. Дым лентой поднимался по щеке и путался в его косматой брови. Проходчик морщился и выглядел от этого очень хмурым. Услышав обращение, оживился, усмехнулся:

– Племянничек... Ха, дядя!.. – и заговорил, медленно подбирая слова: – Я еще в первом заезде говорил – не будет порядка с такой работой. Лет двадцать, назад на буровых так работали, тогда еще дробью бурили.

Я – молодой, только после курсов, вышел на работу, бьюсь всю смену и не могу набурить ни сантиметра: снаряд елозит на месте, хоть лопни.

Приходит сменщик – делает полтора плана, а у меня с утра опять та же пилежка. Оказывается, перед тем, как сдать смену, он бросал в скважину ядро из дроби и солидола. Я всю смену кручусь, как на подшипнике, а он придет – ведро солярки в скважину и бурит. Что ему не шутить, если каждый за себя?

У нас не так, конечно, гадости друг другу не делаем, но все равно, каждый свой инструмент прячет, каждый пытается сделать работу полегче и подороже, другой смене всучить что похуже...

Славка умолк, чтобы перевести дух и сделать затяжку сигаретой, Паша подхватил и продолжил:

– Сейчас все переходят на бригадный подряд...

Димка-Чебурек подмигнул Славке:

– Работали, знаем: там при деньгах ходит тот, кто похитрей, да у кого язык без костей.

– Ну, почему же? – возразил Паша. – Как раз с деньгами все просто и понятно. – Он щелкнул авторучкой, придвинулся к столу и стал вычислять на пачке из-под сигарет: – Сорок метров ствола по шестьдесят рублей метр – две четыреста... Плюс надбавки: полевые, безводные, получается четыре шестьсот и полторы тысячи премия за весь ствол. В три месяца уложите – получай премию. За месяц третью часть сделали – от полутора тысяч пятьсот вам на премию... Все понятно и просто!

– А не уложимся в срок, премия тью-тью, сразу за три месяца?.. Уп! – Дед ойкнул и захлебнулся от подзатыльника. – Ты чо? А если я врежу?

– Не перебивай начальство!

Паша снова стал терпеливо объяснять:

– Сейчас вы как работаете? В первой половине месяца суетитесь, нагоняете план, потом, если видите, что не успеваете, бросаете работу. При подряде можно и месяц без премии сидеть и два, но если вытянул работу к сроку, получите все упущенное разом. И вам выгодно, и экспедиции.

– Позакручено, – пробубнил губастый Фокин и поскреб кудряшки на затылке, – не поймешь. Может быть, одна смена с двух шурфов в один котел, другая в другой?!

– И что тогда? – настороженно спросил Лаптев, – одни балду бьют, другие пашут – а деньги поровну?

Паша почувствовал, что начинает злиться: проще некуда, а им все что-то непонятно. Так и подмывало ударить кулаком по столу, но он взял себя в руки, кивнул в сторону компрессорщика:

– Игорь недавно хорошо сказал: на себе экспериментируют только дураки. Нормальные люди смотрят, что получше у других, изучают чужие ошибки, перенимают полезное... Зачем изобретать новое, если есть уже проверенное? Ну что тут непонятно?

Проходчики примолкли. Чебурек раскурил сигарету, заговорил, будто размышлял вслух:

– Выдумывают, выдумывают, а все одно: кому живется лучше всех? – Обвел товарищей взглядом, будто ждал разгадки, но сам и ответил: – Нулям! Люди есть такие – нули. Что он есть в бригаде, что его нет, в смысле пользы... А чего им?! Шевелятся для вида: ничего не сломают, лишнего не скажут, не пьют, не дебоширят. И премия при них, и фотография на доске почета... Я не про то, плохо или хорошо работать с подрядом, – поправился, – накипело!

– От таких избавимся! – сказал Паша.

Хвостов рассмеялся, насмешливо поглядывая на начальника: молодой, дескать, еще, горячий. Паша понял звеньевого, повел рукой с раскрытой ладонью: цыплят по осени считают, потерпи!

– Как ты от них избавишься? – недоверчиво спросил Славка. – На следующий сезон не возьмешь что ли?

– Нет проблем! Пишите заявление на мое имя, с подписями всех членов бригады... – Паша качнул головой: – Не надо заявления – так скажите и уберем!.. Ну, так как насчет бригадного подряда? – напомнил.

Проходчики молчали. Они, может быть, и желали попробовать, но ждали инициативы от начальника. Тогда проще: не получилось – он дурак! Ну, привязался, салага – было написано на их лицах.

И Максимов пошел на хитрость:

– Миша?

Бригадир Лаптев кивнул:

– Можно попробовать!

– Хвостов?..

Уезжали смены. Встретившись с прибывшими, напутствовали:

– Под вагончиком новый перфоратор, обсадка за баней и цепь-пила за калорифером.

– Обязаны дать семь метров... Можно больше. А за нами не заржавеет.

Начальник геологоразведочной партии, подписывая наряды, проворчал:

– Экспериментируешь? Аккордный наряд – это хорошо: звонили из управления, интересовались, как он у нас внедряется, а люди у тебя того – донская вольница. Слышу, Паша, Паша! Что за Паша?

– Разве меня Колей зовут или как? – Максимов притворно изобразил на лице непонимание.

– Павел Афанасьевич!.. Приучай к дисциплине. Авторитет пора иметь.

– У меня, вообще-то, есть свое понятие об авторитете, – приглушенно буркнул Павел.

Начальник партии или не понял иронии или сделал вид, что не расслышал. Проворчал:

– Чтоб вольницу с корнем выдрал!

Паша вышел из конторы, пнул подвернувшуюся консервную банку, выругался. Ночью жег спички, смотрел на часы – перевалило за полночь, а мысли донимали, как потревоженный пчелиный рой. Он сел на скрипнувшей

койке, пошарил голой ступней по линолеуму, придвинул тапочки, посидел так, покачиваясь, затем поднялся, включил свет и начал одеваться.

Остался за спиной спящий поселок. Несколько лампочек на столбах еще долго маячили и мерцали за плечом в такт шагам. Дорога петляла среди барханов и под яркой луной казалось белой, будто прихваченной инеем. Издалека, в свете прожекторов виднелись срубы и шурфовые краны. Ближе была лаптевская бригада: эстакада, вагонетка на рельсах. Дергалась стрела крана, вытаскивая наполненную породой бадью, с приглушенным шумом опрокидывала ее в вагонетку, снова ныряла в забой; кэша замирал с зависшей стрелой, как удилище с заброшенным крючком замирает в руках рыбака.

Паша шагнул в освещенный круг между вагоном-бытовкой и шурфом Лаптева. В этот миг из шурфа выскочила до плеч голова бригадира в красной каске, замерла на мгновение и провалилась в глубину. Через несколько секунд бадья с породой выехала наверх, лихо отлетела с разворотом крана к эстакаде, опрокинулась в вагонетку, а из шурфа, теперь уже медленно, снова показалась голова бригадира все в той же каске. Он перекинул ногу через сруб, спрыгнул на землю, сбросил прорезиненную мокрую куртку.

Настороженно поглядывая на Пашу, из кэша выскочил Шульц.

– В бадье ездите?! – не то спрашивая, не то утверждая, мимоходом бросил Максимов.

– Ни в жисть, начальник, – изобразил честное возмущение проходчик: – Старая каска в шурфе валяется, Лапоть ее положил в бадью, сверху, а тут, перед устьем реле – щелк... – Затараторил, заюлил, Шульц.

– Ладно, не надо, – отмахнулся Паша, – начальник по технике безопасности увидит, полпремии скинет.

Слова оправдания и возмущения еще клокотали у проходчика в горле, но он уже смекнул, что выгодней помолчать, закашлял, заворчал под нос: и чего не спится начальнику в ночь глухую?

Игорь лежал в остывшей сушилке. Эта же половина вагончика служила предбанником. Здесь густо пахло потом и запревшей одеждой. Игорь

приоткрыл мутные глаза, увидел начальника, резко сел, протирая лицо. Почувствовал себя неловко, хотя компрессор готов к работе и «воздух» никому не нужен – не бурят. Паша подсел к нему. За перегородкой загремели кружками проходчики.

– Эй, Профессор, начальник, идите чай пить.

Паша поднялся, Игорь следом. Лаптев ругался – не успеть к утру зачистить забой, крикнул через перегородку:

– Интеллигент! Последний раз посиди за кэша.

Игорь и Паша вошли в другую половину бытовки. Шульц кивнул им, показывая на чайник и кружки. Лаптев все еще ворчал, обращаясь ко всем и ни к кому:

– Не дело так работать: пока ствол проходим, надо трех человек в смену – два внизу, один наверху. Сколько времени теряем?! Интеллигент, конечно, не отказывает, но каждый раз просить? Чего он бесплатно работать будет? Ты бы пробил ему доплату, раз у нас подряд, – бригадир неуверенно вскинул глаза на Пашу, понимал, что конторские крысы упрутся: проще принять двух новых проходчиков, чем доплатить компрессорщику. – Одного можно бы и взять, но чтоб знакомого, чтоб наверняка, а то попадетса жлоб вроде Деда, возись с ним...– Бригадир ещё помолчал и добавил чуть смущенно, но с вызовом: – Достал бы Игорю корочки проходчика?! Что, у тебя в управе знакомых нет?!

Паша не ответил, отхлебнул из остывающей кружки.

– Интеллигента мы знаем, ниче мужик, работающий. А на компрессор любого можно поставить.

Лаптев надел каску, встал. За ним поднялся Шульц. Бригадир спросил еще раз Игоря, вроде бы даже обиженно:

– Пойдешь?

Компрессорщик кивнул. Шульц пошел в сушилку, кряхтя, натянул на себя резиновую робу. Игорь сел за пульт управления шурфовым краном. Опустил бадью вровень со срубом: мол, прошу садиться! Но проходчики,

поглядывая на начальника, стали спускаться по подвесной лестнице-тарзанке. Игорь, спохватившись, опустил бадью в забой. Вскоре, чуть подвывая электромотором, шурфовой кран поднял ее, наполненную породой, с грохотом опрокинул в пустую вагонетку: работа пошла вдвое быстрее.

На подземке легкой работы нет, но проходка ствола, да еще сверху вниз, – особенно тяжела, каждый человек на счету. В сменах не хватало по человеку. Славка обещал съездить в отгулы в какой-то поселок, к черту на кулички, там у него корешок – всем проходчикам проходчик. Обещал переманить. И действительно, в середине заезда на шурфы явился рыжий невысокий, худощавый парень. Чуть сутулясь, прошелся по пыльной дороге вдоль барачков: лакированные туфли, рубаха нараспашку, улыбался, показывая гребенку фикс. Рондоль, – пояснил потом, – почти золото!

Мишка Лаптев, взглянув на приезжего и скис: по виду зек, а они надрываться не любят.

– От Славки, что ли? – спросил хмуро.

– От Бича, – закивал проходчик. – Генка по ксиве, а погоняло – Хасан!

Мишка почесал затылок и сплюнул от досады.

– Славка тебе хоть говорил, что у нас пахать надо?

Улыбка сошла с лица Хасана.

– Ты чо, бугор, не слышал про меня? Степногорск, Бартогай, Акбокай...

С Хвостом и с Колей Авдеевым работал в «Алтайзолото». Да меня все старые проходчики знают.

– Постой! – повеселел бригадир. – В Акбокае у Лехи в бригаде был?

– Конечно, с ним на пару меня и накрыло...

– Так ты тот самый татарин?

– Конечно, я – Хасан! Мишка Лаптев уже хохотал, вспоминая общих знакомых.

Позже на буровых сочинили много анекдотов про Хасана. Говорили, будто в первый день кладовщица не выдала ему сапоги, так он полез в забой в лакированных туфлях: мол, и босиком за смену два плана дам, кто на спор?

Трепались, будто он уморил напарника, сидевшего за кэша. Врали, конечно. В звене у Лаптева мужики крепкие. Впрочем... Кто знает, что творится у этих кротов? Рассказывали, будто хасановский напарник ночью разбудил бригадира, потребовал, чтобы его, за вредность, досрочно сменили и отоварили молоком по спецталонам. Молоко в партию не привозили, и талоны отоваривали сигаретами.

– Может быть, тебе еще орден Трудовой Славы? – возмутился спросонья бригадир.

– Иди, поработай с новенькими, запросишь орден, – заскулил проходчик.

Сочиняли, будто Хасан вылез из шурфа с позеленевшими фиксами: внизу-то сыро. Этот слух новый проходчик не принимал и возмущался – фиксы не бронзовые, а рондолевые.

Фокинский шурф жил своей обособленной жизнью. Паша стал привыкать к тому, что там всегда все в порядке, хотя не нравилась ему эта бригада. Никто не сомневался, что норму полумесяца они выполнили, но маркшейдер измерил погонные метры и одного не хватило. Так уж получилось: по сантиметру, по дециметру фокинские округляли план, пока рулетка не показала цифру, не поддающуюся округлению. Если другая смена не перекроет отставание и не выпросит округлить проходку – плакала премия за месяц. Так, строжась, сказал бригадир Фокин.

А Лаптев пошел в гору: три смены – отпалка. И так весь заезд. Дня полтора оставалось до приезда звена Хвостова – Лаптев со своими проходчиками сделал норму по стволу.

Дед ворчал и подначивал: сделали план – хватит! По домам. Шульц рыскал по шоферскому бараку в поселке, договаривался, чтобы привезли водки на веселый отъезд. Чебурек, недоспав, и томясь бездельем, напоил какой-то дрянью кота, прижившегося у вагончиков. Тот озверел, стал бросаться на бригадира. Лаптев, не понимая, что случилось с котом, бегал

вокруг бытовки, отмахивался кочергой, кричал на всю площадку, непонятно у кого спрашивая: «Спятил, что ли? Пшел, зараза!»

Увидев хохочущего Чебурека, он обиделся, почувствовав прилив благородной рабочей злости, орал и ругался – даже Игорю досталось. Потом полез в шурф. Шульц спустился за ним. Хасан, сверкая начищенными для отгулов челюстями, сел в кабину шурфового крана.

Дед выглядывал из вагончика, причитал в голос:

– Ну, и послал же бог напарничков: что ни дурак, то ударник труда... Он уже основательно помылся и ждал вахтовку со сменой, а эти – на тебе – опять в шурф.

Коля-старатель перестал храпеть, поворочался, высунул из-под одеяла разлохматившуюся голову:

– Чего блеешь? Мешаешь отдыхать.

Дед притих, заворчал под нос: сделали свое, чего еще надо?

Пришлось ему снова идти в ночь со Старателем, смена не приехала. И опять он ругал напарника: хоть бы курящий попался, а то грузит и грузит без передышки. Только задремлешь – сигнал к подъему. Не везло Деду в заезде. К пяти утра стало совсем тошно. Забой очистили – самое время поспать, но напарник все испортил: спросил сколько времени? Дед возьми и скажи. А он – у-у! Еще обурить успеем!

Дед плюнул в сердцах: надо же такое!

Дневной смене пора было вставать. И в это время прогрехотал взрыв. Лаптев потянулся, зевая.

– Старатель палит. Молодец! Я думал, хорошо, если забой за ночь зачистит.

Шульц сбросил одеяло, сел, свесив на пол белые волосатые ноги, сказал, часто мигая:

– Дед опять от бурения отвертелся. Везучий, зараза.

Хасан, кашляя, рассмеялся, замотал головой:

– Не я буду, Шнапс! Ляжем костями, но выскребем забой?! Вот у Деда рожа будет – кино не надо. Ему придется бурить.

Шульц представил, какое лицо будет у проходчика и расхохотался. Дело предлагал татарин.

Обед. Из вахтовки выгрузили пластмассовые цилиндры термосов. Заспанные лица ночных смен, чумазые и потные – дневных. Старатель расправился с борщом и котлетой, прихлебывал прохладный компот и просматривал старые газеты. Накануне их привезли из красного уголка в поселке.

Чуть утихла дробь ложек по мискам, кто-то уже раскурил сигарету.

– Эй, Старатель, – спросил, Шульц, предвкушая послеобеденный отдых с короткой дремотой, – куда тебе столько газет? Понос?

– Динозавры должны вылупиться, а ничего не сообщают, – с самым серьезным видом ответил Коля.

Прищуренные глаза, Шульца дрогнули, как два индикатора, и открылись на полную диафрагму.

– Ты в детстве на голову падал?

– На голову?! – передразнил Коля с превосходством человека, располагавшего достоверной информацией, но тут же сорвался в спор: – В газете сообщение было, ну? «На Севере, в вечной мерзлоте, найдены три яйца динозавра. Одно разбилось при погрузке, два доставлены в инкубатор в хорошем состоянии». Ну? Я почти наизусть все помню. Сам читал, газета дома лежит, в тот заезд привезу. А ты – на го-олову...

– Опять Старатель гусей гонит, – изображая возмущение, заверещал Шульц. – Не маши руками, глаза выцарапаешь.

Коля вскочил, зад оттопырен, глаза круглы, ударил себя кулаком в мощную грудь.

– «Комсомольская правда» за тридцать первое марта, ну? Все помню!

– Га-га-га! Так это же первоапрельская шутка!

– Да уж... Серьезная газета и будет божественный обряд праздновать?!

– Почему божественный?

– Бабушка говорила, что первого апреля обманывать надо, а она в бога верила. Ну? Я все помню: два яйца доставлены в инкубатор в хорошем состоянии... Газета врать не будет. Значит, должны сообщить... Вылупились динозаврята, или опыт не удался и яйца протухли. Люди прочитали, ждут, а они ни слова...

Послеобеденный «тихий час» отменялся. Кто послабей – потянулись в жилые вагончики, другие выставляли катающиеся под ногами термоса, устраивались поудобней, как перед концертом.

От голоса Старателя дребезжали стекла, он защищал честь периодической печати с атеистических позиций. Так к концу перерыва подвел черту Интеллигент.

Распалили Старателя, ночью будет вкалывать за семерых, повторяя в голос строки из газеты, поминая бабушку. Дед спорить побоится: у Динозавра, тьфу... у напарника морда красная, мечется по вагончику, рычит.

Пошутили, посмеялись и забыли бы вскоре – не впервой такие концерты, но к Коле пристала кличка и теперь надолго, может быть, до самой пенсии, если, конечно, доживет до нее, будет мотаться за ним по партиям и стройкам. Славка Сбитнев женился, обзавелся квартирой, а все равно зовут Бичом.

Впрочем, зря вздыхал Дед: ему даже повезло. Дневная смена зачистила забой для бурения, всучила ему перфоратор – на, паши, твоя очередь! Он часа полтора настраивался на бурение. В это время Динозавр, рыча, метался по площадке: стаскал в кучу металлолома бросовые рельсы по сто семьдесят килограммов в каждой, крепежный лес в бревнах сложил штабелем, повертелся вокруг шурфа, заорал вниз:

– Скоро бурить будешь, урод?

Наконец, не выдержал, сам спустился в забой, схватил перфоратор. Дед и рад: то штангу подаст, то обсадную трубку в шпур забьет. После отпалки

Динозавр включил вентилятор и вроде бы успокоился, обмяк, заулыбался. Тут Дед с опаской и лаской начал погромче ворчать, мол, хватит работать, надо бы к отъезду подготовиться: помыться, побриться, анау- мынау...

– Кувалду тебе, старый хрен, – добродушно возразил Динозавр: – Сначала забой выскреби!

– Тьфу ты, господи! Ну, послал же бог...

Нет, не везло ему.

– Что за дела: каждый заезд собрание? Зачем такой подряд? – пробовал возмущаться Славка.

Паша качнулся с пяток на носки – лицо красное, нос облез, два месяца он безвыездно в пустыне.

– Мне за вас ваши деньги делить? – спросил с вызовом. – В другой раз по ходу решать будете такие вопросы, а сейчас, наверно, подумать надо.

Вместе с хозподрядом ввели КТУ – коэффициент трудового участия. Бригадам нужно было поделить премии. Звено Фокина прошло шесть метров ствола за заезд, Лаптева – семь с половиной...

Лапоть заявил, и голос его отдавал барскими нотками:

– Чо мелочиться – премию всем поровну!

– Как так? – попробовал возмутиться Дед и смолк, оглянувшись на напарника.

Паша ожидал от КТУ другого, серьезного подхода. Поморщился, но промолчал: черт с вами – ваши деньги.

– Поровну всем, что ли? – немного смущенно спросил своих проходчиков Фокин. На нем грех: две смены был на легком труде, на поверхности, другие за него бурили, отгружали породу.

– Дайте сказать, – поднялся Козоглазов, прокашлялся, повел немигающими глазами. И поза, и взгляд, и многозначительное покашливание – все кровно знакомое многим старым проходчикам, – подействовали

безотказно: люди подтянулись, лица омертвели, стали похожими одно на другое.

– Я хочу сказать, – повысил голос Козоглазов, – что даже два человека, работающие плечо к плечу, не могут трудиться одинаково. Поэтому и труд надо оценивать по-разному – не для того ли введен КТУ? Я тут слышу разговорчики: мол, бригадир две смены продурковал. Но, – поднял палец Козоглазов, – бригадир – наше лицо, стоит ли выносить мусор из бригады?

На масках лиц не дрогнула ни жилка. Только Фокин смущенно косил на грязный пол: такой оборот ему по душе, дело говорит Косой...

– Дадим бригадиру коэффициент один и один...

Паша опустил голову и обреченно вздохнул.

– С кого же сдернем эти десять процентов для Фокина? – с недоумением спросил чей-то голос из-за крутых спин.

– Ну, кто у нас помоложе?..

И тут на середину тесного вагончика выкатился Славка Бич.

– Вот! Вот и у нас в СМУ так начиналось: подберутся человека два-три, один с таким языком, как у Косого, другой с нахальной рожей, и работать не будут и деньги с бригады потянут. Вот что такое КТУ!

– Тебе-то какое дело? – все еще напористо, но с растерянностью в глазах спросил Козоглазов. – Ты из другой бригады, там и дели свою премию.

Славка, как сорвавшаяся пружина, молча кинулся вперед. Верткий Хасан перехватил его. А он вытягивал вперед руку с цепкими пальцами, целясь Козоглазову в лицо, хрипел, задыхаясь:

– Таких, как ты... гад! Таких, как ты...

Проходчики повскакивали с мест, взорвались хриплыми голосами. Паша вытер рукавом холодный пот со лба, боком вдоль стенки пробрался к выходу. Жизнь продолжалась. Он небрежно подхватил папку с бумагами, легкой походкой направился напрямик через барханы в поселок. Собрание было закончено.

Фокин, то краснея, то бледнея, заявил затравленно огрызавшемуся товарищу:

– Все правильно, Косой! Всем по «единице», мне – «ноль девять». Кто за меня бурил – тому накинем десять процентов.

– Да пошли вы, – направо и налево огрызался Козоглазов. – Скажешь – сразу рот затыкают...

Возле поселка бодро шагающего начальника участка догнала вахтовка. Остановилась. Шлейф пыли догнал и захлестнул машину. Хасан высунулся из двери, сверкнул фиксами:

– Хватит гулять пешком, начальник!

Смены бригад, неприлично чистые и опрятные для этих мест, для затертого спецовками салона, рассыпались по драным дерматиновым сиденьям. Сумки, чемоданы. В глазах людей алчные огоньки, которые появляются перед отгулами, отпуском, перед долгожданными переменами.

Паша подсел к Игорю. Его распирало от радости, хотелось поговорить, но Интеллигент отвечал односложно, отрывисто – душой он был уже дома:

– Ну и что? Собрание как собрание.

– Э-э, нет, – смеялся Паша и тряс лохматой головой: вы могли бы быть и поактивней: все-таки личный интерес, деньги... Могли бы, по справедливости, тебе накинуть премию за то, что выручал, работая на кэша... Могли, но забыли... Это плохо. Но все-таки Славка выступил не за свой интерес, а за убеждения. А как его поддержали?! Нет уж, зря ты говорил, что у нас работа без жесткого правления невозможна.

С расстановкой, терпеливым тоном учителя Игорь стал спорить:

– Слава мог не выступить, я его лучше знаю. Просто совпали его настроение и брехня Козоглазова. Не кинулся бы он, и проходчики промолчали: лаптевские потому, что им дела нет до чужой премии, фокинские потому, что премию сдернули с одного, а семерых это не коснулось... Случайность, а ты предсказываешь чуть ли не революцию!

Вахтовка затормозила возле столовой. Паша спрыгнул на землю, не прощаясь, направился в контору. Игорь смотрел ему вслед, думая, что обидел. Но вскоре Максимов появился уже без папки, запыхавшись, заскочил в салон и снова сел рядом с ним.

– На станцию поедешь? – удивленно спросил компрессорщик.

Паша кивнул – дела, и опять за свое:

– Я все понимаю. Здесь не цвет рабочего класса, но если присмотреться... Работал я в НИИ, знаком с тамошними «козоголазовыми». Но тут, что ни говори, все-таки получился живой разговор...

– И что ты хочешь доказать? – перебил его Игорь дребезжащим голосом. Машина набрала скорость и на ухабах нещадно трясло: – Лаптев не лишил премии Деда, хотя все возмущались, что он сачкует. И мне, как ты заметил, премию не набавили. Я, конечно, не в обиде, попросят – еще помогу. Хотя, сам мог потребовать, а ты напомнить. И все так!

Тесный вокзальчик, построенный, еще в начале века, толкучка у кассы, грохот пронесшихся поездов. Где-то там, в двенадцати часах езды на запад, у Игоря была другая жизнь, в которой этот вокзал, подземный участок и собеседник с кирпичным от загара лицом было не более, чем недоразумением. Но зал ожидания был забит, узкий перрон заливало спокойным светом неоновых фонарей, черные шпалы лестницами убегали во тьму. Томительное ожидание поезда. Но вот, луч света блестящей спицей пронизал тьму, Игорь облегченно вздохнул, отчуждаясь от станции.

Июль. Пожухла и попряталась трава. Даже в распадках, руслах пересохших ручьев, там, где бывает тень, взгляд уже не наткнется на сочную зелень: до горизонта один унылый цвет – цвет пустыни. Она раскалена, как сковорода на печи, пышет в лица прелым жаром полыни и солярки. В шурфе, прохлада и нескончаемый дождь. Мокрая рубаха липнет к телу, хлюпает вода в сапогах.

Проходчики поглядывали на аккуратно вычерченные Пашей чертежи глубинного шурфа, которые он повесил в бытовке: вертикальный ствол уходил на сорокаметровую глубину, расширялся в куб лебедочной камеры, под ней, как погреб, зумпф – водосборник. Все сооружение, не будь оно под землей, напоминало бревенчатый дом с огромной трубой-стволом. Из камеры на четыре стороны разбегались рассечки – пятидесятиметровые горизонтальные выработки. На них-то и поглядывали проходчики в трудные времена. По сравнению со стволом, что не работать: бури, пали, породу убирай скреперной лебедкой, бадья и та наполняется почти автоматически.

– А спина в мыле! – неизменно добавлял Шульц.

Смена подъезжала вразнобой: кто поездом, кто самолетом. Звеньевой Хвостов покрутился возле Игоря, приехавшего первым, поморщился, отвел глаза.

– В общем, так! – плюнул под ноги, безнадежно махнув рукой. – Два раза камеру крепили и опять обвал. Может, вы еще вытянете подряд: четверо суток осталось. – Он взглянул на Игоря с чуть теплившейся надеждой в глазах: – Даже неудобно встречаться с Лаптем. – Подхватил сумку и, не прощаясь, побежал на аэродром: по случаю хорошей погоды ходили самолеты на Талды-Курган.

Когда собралось все звено, Паша рассказывал, наставлял и в глазах его поблескивали жесткие огоньки:

– Начали они хорошо. Стали рассекаться на юг и на север разом. Контакт там по породе, вы знаете. После отпалки камеру завалило: все крепление в щепки. Ребята выдали на-гора завал, перекрепили. Я говорил Хвостову: не жалейте леса, крепите сплошняком в два, три ряда. А они: сгинь, не каркай под руку, мы проходку лучше знаем. После первой же отпалки опять все завалило. Не спорю, вы знаете и умеете больше меня, а порода есть порода: она и железобетон мнет, как бумажный лист. Но то, что после второго обвала звено две смены не работало, ни понять, ни простить

нельзя, – голос у Паши дрогнул от обиды. – Не пили, но ветер пинали, не работали. Хоть бы завал разобрали – все вам полегче.

На смену вышли трое: бригадир, Хасан и Динозавр, отказавшийся работать с Дедом. Они поссорились из-за ночных «обедов». Старый жаловался, что у него слаб желудок. Динозавр называл его проглотом: жрет, жрет, а все худой! Хасан с Лаптевым включили аккумуляторные лампы на касках, забрались в бадью: одна нога в ней, другая на весу. Динозавр стал осторожно потравливать лебедку шурфового крана, опускать их вглубь. Камера чуть ли не полностью была затоплена. Почти касаясь воды, все еще мерцала одна оставшаяся лампочка. Сквозь воду просматривались обвалившаяся порода, обломки бревен крепи. Сиротливо торчали искореженные трубы насоса. Вверху покачивались на скобах ошестинившиеся щепой бревна, глыбы нависшей породы коварно ждали своего мига.

– Послал бог сменщиков, – приглушенно выругался бригадир, поглядывая вверх. – Чтоб им икалось все отгулы и выворачивало уже после первого стакана...

– Ну, ты и садист! – задирая голову на висячие бревна крепи, пробормотал Хасан.

– Вот и вышли на горизонталь, вот тебе и легкий труд... Ну что?! Надо откачать воду, а там посмотрим.

Хасан повертел головой и понимающе вздохнул:

– Лезть в такое пекло в конце заезда – не фонтан. Вначале как-то полегче рисковать. Но если сделаем хохму – двойная премия каждому. Давно я Славке фитиль не вставлял...

Дернув за сигнальный провод, дали знак Динозавру, он приподнял краном бадью с людьми повыше, к надежному креплению. Раскачиваясь, мешая друг другу, проходчики стали сбрасывать вниз зависшие венцы и глыбы. Снова спустились к воде, обезопасив себя сверху. Хасан прыгнул к борту камеры, прилепился возле труб. Нога соскользнула, он черпнул сапогом, потом вторым, чертыхался, зябко передернул плечами и ступил в

воду, погрузившись по пояс – все равно ноги мокрые. Посмеиваясь и кряхтя, следом полез Лаптев.

Они заново смонтировали став насоса, начали откачивать воду. Игорь завел компрессор, отцепил от крюка кэша бадью, повесил на него пневмонасос. Как зубами по стеклу, заверещала, заскрежетала, «лягушка», стала убывать вода в камере. Когда откачали ее, вид внизу стал еще страшней: обнажилась щербатая пасть подземелья. Лопатами, совками проходчики наполняли бадью за бадьей, выдавали наверх сломанные бревна.

Глаза боятся – руки делают! Лица Лаптева и Хасана были внешне спокойны, движения небрежны, но в каждом озирался двойник, ловил малейшие признаки опасности. Лаптев, рыча, раскачал и выдернул из породы заваленный стояк. Хасан в это время вытаскивал обломанную доску и ее конец описал дугу возле лампочки. Лишь мгновенная тень скользнула по лицу бригадира – он бросил стояк, метнулся вверх по отвесной стене и повис на скобах крепления. Хасан мгновением позже был выше него. Оглянувшись через плечо:

– Ты чего?

– А ты чего?

– Вижу, ты рванул – и я за тобой...

– Мне что-то показалось, – уже не мог вспомнить причину Лаптев.

Посмеялись, спустившись, не под небом работали: не тот пуглив, кто вздрагивает и действует, а тот, кто при опасности обмирает и закрывает глаза. Таким здесь не место, они работают до первой аварии. Перекинулись шутками и снова взялись за работу. Время не ждет.

Небольшая ниша на месте будущей рассечки. Хасан с оборочным ломом скалил гребенку фикс, подступал к глыбе – обмотать бы ее тросом да выдать на-гора. Лаптев увидел, как над головой товарища отслоился кусок породы размером с кирпич, закричал, но было поздно. «Кирпич» всего-то с метра высоты упал на каску проходчика. Хасан выронил лом, на подгибающихся ногах вывалился в камеру. Прохрипел:

– Рас-с-кумарил!

Сидели, курили. Мишка Лаптев посмеивался, глядя на проходящего в себя проходчика:

– Как-то теще говорю: нам дали новые каски – держат удар в четыреста килограммов. Она мне: ну, теперь вам и бояться нечего! Каска-то, говорю, выдерживает, а шейные позвонки – нет!

– Еще несколько смен провозились с завалом: закрепили, забутовали, кажется, намертво и стало уютней внизу, вроде бы безопасней. Повеселели лица работяг. Впервые спокойно и самоуверенно заулыбался бригадир.

– Пока дела идут неплохо: за пять смен ликвидировали аварию. Может быть, успеем метры настрелять?! Эх, уложиться бы в подряд – такие деньги пропадают.

Уверенней стал ругать предыдущую смену Паша:

– Они у меня попляшут – напишу рапорт, останутся без премиальных.

– Ты это брось, – завозмущались проходчики. – Хочешь деньги конторским подарить? Для чего тогда КТУ? Мы работали, мы и деньги забираем.

Палец у Деда опух, стал тугим и толстым, как вареная сарделька. Старый, то есть сорокадевятилетний проходчик говорил, что прищемил его бадьей. День поохал, потом на попутной машине укатил в райцентр. В больнице ему сделали операцию. Дед вернулся слегка хмельной и лежал в вагончике, задрав забинтованный палец, как свечу, отмахивался здоровой рукой от сатанеющих мух.

– Вот хмырь, вот гнида, – возмутился бригадир, – будто у него один палец на руках: мог бы на кэша посидеть – все помощь. Тут вопрос ребром: вытянем – не вытянем подряд, а этот...

И Касым загрустил: из-за производственной травмы с него, как с мастера, часть премии снимут, если она, конечно, будет. Паша выслушал Деда, ни словом не упрекнул, решительно шагнул к компрессору.

– Выручай своих, – сказал Игорю. – Хотел же перейти в проходчики.

– А допуск, корочки? – спросил компрессорщик.

– Придется взять тебя на свою ответственность: если придавит – мне тюрьма. Так что постарайся без этого.

Игорь и так был незаметен среди проходчиков а тут вышел в ночь с Шульцем и будто исчез. Дня через три Паша хватился: давно не видел Интеллигента, заехал на шурфы во время завтрака. Игорь с серым лицом равнодушно жевал котлету, на вопросы отвечал неохотно, разговор не поддерживал. На несколько минут Паша вышел из бытовки к шурфу Фокина, вернулся, собираясь поговорить, но Игорь уже лежал на койке в жилом вагончике, укрывшись с головой белой простыней.

Шульц в бытовке еще стучал костяшками домино, вагон уже раскалялся под солнцем, все вольготней чувствовали себя мухи.

– Как напарник? – Паша подсел к отдыхавшему проходчику.

– Ничего, втягивается, – ответил Шульц, ударяя по столу очередной костяшкой. – Пару смен был на отгрузке, сегодня бурить напросился. – Шульц затрясся в беззвучном смехе, задрал руки с растопыренными пальцами, изображая пугало: – После смены шарашится, как фанера на ветру. Но не скулит, – добавил, – не сачкует... Ничо, обвыкнет!

Через неделю Деду закрыли бюллетень. Игорь уже надевал «резину», но тот вцепился в рукав куртки.

– Снимай и сквози к компрессору! Я на смену выхожу!

Игорь смутился, растерянно взглянул на бригадира. Тот медленно поднялся со скамьи, с нескрываемым злорадством вырвал куртку из рук Деда и протянул Игорю:

– Работай, а ты – пшел вон!

– Это как «вон»?! – запетушился Дед. – Болел... Все по закону и печать на месте... Права не имеешь.

Но, встретившись взглядом с Лаптевым, отскочил.

– Врежь, чо менжуешься? – из-за плеча бригадира пробасил Динозавр.
– Я б давно ему въехал – да хилый, развалится еще...

Дед побегал по двору – грозил начальником, пока светло побежал в поселок. Паша подвернулся ему возле столовой, выслушал, внимательно, глядя на носки сапог, потом посмотрел куда-то вверх, оглянулся, вздохнул:

– А я что сделаю? Нет у меня прав идти против бригады! –

Шагнул в сторону, но Дед схватил его за рукав, испугано дернул кадыком:

– Вы чо, Афанасьич? До пенсии остался год. Куда я?

Паша опять пожал плечами.

– Я не директор богадельни! – стряхнул с рукава руку проходчика. –

Могу перевести в компрессорщики, если бригада не будет против.

– За одно с ним, выжить меня хотите? – завопил Дед. – Так я к Отану Берибаевичу пойду...

Паша упрямо пригнул голову, чуть сутулясь, зашагал к общежитию. Не прошло и получаса, диспетчер объявил по трансляции, что начальника горного участка вызывает начальник партии. Вскоре Паша выскочил из его кабинета с лицом в красных пятнах, уехал на вахтовке на шурфы и вернулся с тремя проходчиками. Перед пузатой, обитой дерматином дверью, предупредил:

– Смотрите, если решили добиться своего, стойте до конца, а я всегда за вас.

Бригадир, Хасан и Динозавр вернулись на участок затемно. Обрато им пришлось тащиться пешком, хотя Паша битых четверть часа требовал у диспетчера вахтовку. Первым их встретил Шульц: высунулся из кабины кэша.

– Кто кого? – закричал.

Лаптев громко выругался, знал, что Дед не спит, прислушивается.

– Хана старому!

– Старый?! – презрительно сплюнул Шульц. – Этот старый всего на четыре года старше меня. – И снова спросил: – А куда его?

– Подмоем, покрасим, побреем – и на обочину. Шофера проезжать будут – подберут! – загоготал бригадир. – Или на канавки, жлоба. Там

каждый за себя, на чужую шею не сядет, сколько отлопатит – столько получит.

Деда подобрал Фокин. Не по доброте души, а по расчету: проходка ствола была закончена, физической работы поменьше, а нудной – отгрузки – за глаза. Говорил, согласен за него бурить, а он вместо меня пусть уродуется на отгрузке по десять часов в сутки.

– Даром бери, приспособлявай, – скалился Лаптев. – Нам такие не нужны. – А сам гадал: чем Дед купил Фоку?

Паша как-то пожаловался Игорю на начальника партии:

– Как нам помощь нужна – так, говорит, – вы, сезонщики, – отдельное государство! Как выдрать – так иди сюда, мой подчиненный!

Горняки жили особняком, держались замкнуто, но бурильщики, что-то узнали, о чем-то догадались и пошел по партии слух: у проходчиков завал! Пока этот слух ходил от копра к копру по буровым, вреда от него не было, одни шутки, но дошел до конторы, и начальник партии вызвал Максимова. Ему не нравилось, что Участок почти полностью выбрал лимит крепежного леса: здесь, в пустыне, каждое бревно стоило дорого, и Отан Берibaевич очень рассчитывал на остатки.

По словам же Максимова выходило, что на его участке полный порядок. Были, конечно, мелкие неурядицы: вывалы, пару раз свод камеры обрушивался, но без таких сюрпризов, горное дело – не горное дело. Все решалось в рабочем порядке.

Отан Берibaевич не очень-то верил молодому начальнику участка, пристально всматривался в его честные глаза, думал: ворует лес, щенок, надо съездить на шурфы; проверить, что там у них. Он приехал на своем газике, сам за рулем. Открыл дверцу кабины, кряхтя, слез с сиденья: в новеньких резиновых сапогах, в белой каске, блестящей под жгучим солнцем, как большая гладкая лысина.

Почтительно вылез из шурфа и шагнул ему навстречу Шульц. Отан Берибаевич похлопал его по плечу, когда-то, в пору, когда он был простым рабочим, проходчик учил его бурить.

– Здорово, кучерявый! Как проходка? Слух идет – завал у вас...

– Врут... И самым нахальным образом, – возмутился Шульц. – Идем в плане, есть все основания ожидать выполнения аккордного подряда в срок, – выпалил, будто прочитал передовицу районной газеты.

Начальник, хитровато щурясь, кивнул и заглянул в шурф.

Прямоугольный бревенчатый сруб крепи уходил в темную глубину и там, далеко, в рябющем зеркальце воды отражалась мерцающая лампочка. А здесь, рядом с устьем, где должна быть оборудована переходами ходовая часть ствола, цепляясь чуть ли не за воздух, висели несколько площадок с шаткими лестницами. Шульц понимал, о чем думает начальник, оправдывался:

– План надо делать! Вот вытянем подряд и тогда капитально смонтируем ходовую часть. Да и выносит все взрывами, палим-то пока вниз.

– На бадье ездите? – начальник так и впился глазами в проходчика. Из долгого перечня запретов по технике безопасности только этот почему-то запомнил.

– Ни в жизнь, начальник, – забожился проходчик. – На старости лет... Что я, Баба-Яга?

Отан Берибаевич, кряхтя, стал спускаться вниз по деревянной скрипучей лестнице, подозрительно осматривал крепление ствола. Шульц шутками и разговорами отводил ему глаза, особенно не боялся, знал, что начальник в горном деле – дуб, геолог – так себе, обычный администратор. В светлых глазах проходчика искрилась насмешка над неуклюжестью ровесника.

Начальник с трудом проталкивал располневшее тело в люки полков, а, Шульц, ощущая прилив сил и ловкости, акробатически обходил их, распираясь ногами в венцовую крепь. А уж когда добрались до последнего

полка, из-под которого метров на десять вниз свисала гибкая лестница из двух тросов, Шульц ощутил в себе верх акробатического вдохновения.

– Что ты скачешь, как обезьяна? Не в цирке, – не удержавшись, возмутился Отан Беробаевич и, задыхаясь, повис на ступенях.

Шульц на одних руках спускался по раскачивающейся лестнице якобы для того, чтобы придать ей жесткость и ноги начальника при спуске не задирались бы выше головы. Тяжело дыша, Отан Беробаевич спустился до последних ступеней. На кончике его носа и на подбородке дрожали, готовые сорваться, крупные капли, красное лицо было исполосовано струйками пота. Оставалось всего ничего: повиснуть на руках и спрыгнуть вниз с полутора метров или, расперевшись ногами и руками в стояки, притормаживая, скатиться на почву, что и сделал Шульц. Затем подставил ему тонкое бревно, доску, обхватывая руками и вниз. Это начальник сумел бы, но как потом подняться вверх? Он качнул белой каской.

– Нет уж, я не обезьяна лазить по бревнам! – отказался, кляня себя за непростительную самоуверенность: дернул черт спускаться...

– Может, бадейку? – скрытно издевался, Шульц, соблазняя: – Сядем вдвоем, хоть вверх, хоть вниз... Нельзя, конечно, по технике безопасности, но не сдыхать же из-за того, что нельзя?

– Ох и язва ты, кучерявый, – прохрипел сверху начальник. Отдышался, стал подниматься. Ноги на раскачивающейся лестнице повело в сторону, потом вверх. Шульц подпрыгнул, ухватился за последнюю ступеньку, подтянулся на руках, догнал начальника, дымя недокуренной сигаретой.

– А может, все-таки бадейку? Я дам сигнал.

– Нет уж, не выйдет, ездить на бадье строго запрещено. Лучше удавлюсь на этой проклятой лестнице, – зло прохрипел Отан Беробаевич. Его решительное упрямство задобрило проходчика.

– Ладно, полезем потихоньку вместе, я подстрахую. Если станет совсем неумоготу, разопрись ногами в венцы, отдохни.

– И сколько же раз в день вы лазите здесь вверх- вниз? – тяжело переводя дыхание, спросил начальник на очередной ступеньке.

– Кто считал? Как бы хорошо ни шла работа, даже на рассечках – меньше четырех не получается.

– Насобачились, черти! – зло всхлипнул начальник, выполз на первый полок, сел, навалившись спиной на крепь, повеселел: – Я – буровик! Это не по мне! Каждому свое, ведь так, кучерявый? – подмигнул красным глазом.

– Это как посмотреть, – недовольно шмыгнув носом Шульц. – Не всякий тяжелый труд ценится выше легкого: твою работу на мою не поменяешь, зарплату – тоже.

– Учиться надо было, – отдышавшись, засмеялся начальник. – Когда-то ты водку пил да девок тискал, а я – помнишь? – по уши в мазуте, а все где-нибудь в уголке с учебником.

Июль. Жгучее солнце плескало ежедневной плавкой на омертвевшую прокаленную землю, на обшивке вагончиков вспучивалась краска и тлела, распространяя тяжелый смрад, прорезиненная роба проходчиков. Шурф Фокина безнадежно отстал, стало ясно, что подряд на проходку ствола ему не вытянуть. Каков поп – таков приход. За исключением двух-трех человек бригада подобралась, что называется, «гнилая». Бригадир, как только понял, что премия безнадежно уплывает, достал какие-то справки, взял ходатайство из разведкома экспедиции и, пока Паша ездил по делам в управление, оформил командировку в другую партию, готовился исчезнуть по каким-то важным делам. Дела же на его шурфе творились невероятные: не только бурильщики, но сами проходчики со смехом вспоминали потом, происходившие там чудные истории.

С одной отпалки по стволу обычно отгружали шесть вагонеток породы. Если их недогружать, если взрывчатка слишком хорошо проработала породу, если вывалы, если... Может набраться восемь вагонеток: чего не бывает в такую жару?!

Козоглазов с напарником не успели в ночь очистить забой.

Заступившая дневная смена – Дед с Тимоханом-Тимохой – ругали их, хотя ночники клялись, что выдали восемь вагонеток: без перекуров упирались рогом всю ночь. Чудеса и только!

Фокин, маясь ожиданием вахтовки, идущей до станции, слушать их перебранок не хотел, заперся в сырой бане, бросил телогрейку под голову и растянулся на лавке. Дед и Тимохан неизвестно чем занимались весь день, но вечером, когда из поселка явились подвыпившие Козоглазов с напарником, уверяли, что все с той же отпалки выдали на-гора еще девять вагонеток, а забоя не видно.

– Ну, уж это вы загибаете, – кричал Косой. – Бывают чудеса, но, не так же... С девяти вагонеток по стволу – пупки бы развязались. Чудесники... Гераклы хреновы...

Но утром он встретил дневную смену свежий и помытый, улыбался, чуть смущенный, чуть нагловатый, удивлялся вслух:

– И правда, чудеса и только: всю ночь лопатили, упирались, как папы карлы, отгрузили одиннадцать вагонов, а до забоя не дошли. Там немного осталось: дочищайте, бурите, палите, а мы придем и плотненько ляжем на породу.

Ругался Дед в забое: весь день по участку шлялось начальство, какие уж тут чудеса? Волей-неволей пришлось работать. Как он ни тянул время, после обеда начал бурить. К вечеру явились Косой с напарником, вдвоем спустились в проветренный шурф, прилегли на породу, но не выдержали и до полуночи: сверху капало, снизу заливало. Косой задрал ноги, вылил воду из сапог, полез наверх. Там на отвале фаланги и скорпионы, но начальства нет. Ночь. Сухо. Напарник задержался, подождал, когда товарищ окажется на поверхности, и дал сигнал, чтобы тот поднял бадью. Проходчик чертыхнулся, в адрес перехитрившего напарника, залез в кэша, поднял его на-гора. Они разложили под луной мокрую одежду, переоделись в сухую спецовку дневной смены. Прилегли. С рассветом облили отвал водой, будто

работали, утром клялись, будто выдали двенадцать вагонеток. Тимохан удивился, но Дед не поверил и раскричался:

– Вы мою фуфайку намочили? Мозги не пудрите, плевал я на ваши чудеса, где хотите доставайте сухую одежду. Нет таких чудес, чтобы ни с того ни с сего сухая фуфайка стала мокрой.

У бурильщиков пузырилась и хлюпала от зноя вибросмазка в бочках. От ее запаха кружилась голова, без водки пьяные они сочиняли небылицы про бригаду Фокина и особенно про бригадира. Говорили, будто распаленный жарой Кондрат с дубиной караулил его у бани. Но Фока, хитер зараза, ловко скрывался от него и от начальства.

Тимохан жил на станции в двадцати километрах от партии: по здешним понятиям – рядом. Когда не лень, после смены ездил домой на мотоцикле. Ночевать в доме прохладней и мух меньше. А тут он думал остаться, но Фокин пристал, как банный лист, отвези да отвези на станцию. Высунув голову из бани, канючил и косил на Кондрата, который все никак не мог сподобиться на размах...

Звену Лаптева в этот же заезд было не до разговоров: на пересменках перекинутся отчетами-наставлениями и за работу.

– Пятый день ни одной отпалки! – кричал бригадир. – К лешему крепления, метры надо делать!

Ночная смена: Димка-Чебурек, Шульц с Игорем – у всех глаза красные от недосыпания. Шульц орал и трудно было поверить, что не шутит.

– На дурняка работать не будем! Соседи палили на авось, что вышло? Авария за аварией!

Был спор. Шульц – мужик основательный, любил, чтобы во всем оставался запас прочности. Вместо отпалки они с Игорем закрепили венцовой крепью зумпф и переоборудовали лоток. Работали на совесть, но делали не то, что требовал бригадир.

Нет и десяти часов утра, а вагончики уже раскалились солнцем, черно от мух. Давят их, бьют с остервенением, травят дихлофосом, плотно завешивают окна и в полусне-полубреду преют в душной дурманной темноте. Но копошится по щелям лютая мухотва, пробирается под мокрые от пота простыни: ж-ж-ж-у-у-у!

Ночами фаланги и скорпионы лезут на свет. Снова бьют, давят их со страхом и брезгливостью. Даже в шурфе, на глубине в сорок метров, бывает стряхнется с робы и плавает в зумпфе серая ядовитая каракатица. Шульц как-то выскочил из ходовой части шурфа, будто в темноте получил пинок под зад. С силой бросил на раскаленную землю мокрую каску.

– Буду ездить только на бадье, пусть снимают премию. Иначе можно жизни лишисься, если за нос укусит...

– Кто?

– Гюрза прижилась на третьей полке за венцами.

От лютой жары все ползучие, карабкающиеся, бегающие гады полезли в прохладу шурфа. На кабине шурфового крана шипел и исчезал плевок. Кому подходила очередь сидеть в ней, каждую свободную минуту прямо в одежде лез в цистерну с водой, но теплая, если не горячая, облегчения она почти не приносила. И только на знойном ветерке мокрое тело чувствовало что-то вроде прохлады. Июль, пустыня, жара! Даже ветер жгуч, как дыхание печки.

– Метры, метры, метры! – кричал охрипший бригадир. Его можно обругать, на него можно броситься с кулаками, но потом все равно будешь делать то, что он сказал. Его голос прав даже тогда, когда не прав! Кроме него ни у кого нет морального права выжимать из людей последние силы. Можно отвести глаза начальству. Мастер возбужает? Да пошли ты его – отлеживается в тенечке, а ещё... Огрызаются работяги, ворчат на бригадира, но дело делают, потому что он сам, дурной от недосыпания и усталости, от ненависти к ядовитым гадам и лютому вою мухотвы, делает не меньше, а часто больше других.

Мастер молчит, спасибо ему за понимание. У него есть совесть и голова на плечах. Он отчитывается за пройденные метры, получает взбучки, канючит лес, коронки, доски, трос, выслушивает жалобы работяг и требования начальствующих. Уж его-то зарплата зависит от плана больше, чем самих проходчиков. Но орет и орет во всю мощь своей глотки один бригадир. Ему можно, ему не слаще других и платят столько же. Но он опытней, сильней и потому дерзок.

– Полметра не хватает, – упрощивает маркшейдера. – Ты же видел, как уродовались...

– Сделаю, – прячет глаза тот. – Вам поверю! А другому шурфу, все... Зарекся!

И вот, обреченно вздыхая, маркшейдер готовится подписать халтуру, но врывается в его вагончик бригадир, падает на стул без сил и добродушно смеется:

– Две отпалки за смену, метр лишний, сверх подряда... Вывалы тоже закрой – все лишняя копейка.

Маркшейдер недоверчиво поглядывает: не гонит ли бугор? Тот замечает смущенный взгляд, недоверие, смеется и подмигивает:

– Чем мух травить? Хорошо у тебя, тихо.

В дверь просовывается сияющая Пашина физиономия.

– И по стволу подряд вытянули и по рассечке план сделали. Молодцы. Ликвидацию аварии закрою отдельным нарядом, а Фоке, – складывает пальцы в дулю. – Еще коэффициентом вздрючим. Только бы начальник не срезал зарплату...

– Это почему срежет? Все законно: ни метра приписки, – возмущается бригадир.

– Почему!?! – неприязненно морщится Паша. – Скажет «не дам» – и амба!

– Я его в бадье видел, вниз головой, – замысловато ругается бригадир. – Сидит весь день у кондиционера и еще косяка давит на наши кровные.

– Ты лучше Шнапса отправь для разговора с ним, они – друзья по молодости.

Кончился июль. И аварию ликвидировали, и отставание, еще и свой план сделали. Устало зарекались: в следующий раз приехать с москитной сеткой, с аптечкой и перечной мятой для спасения от мух. Старые бичи печально посмеивались, не впервой слышали такие умные зареки, но не помнили, чтобы они выполнялись.

Самолетов не было. Значит, буровики тоже поедут поездом. Июль – все куда-то едут, достать билеты не так просто, а брони геологическому поселку нет. Те, что выберутся на станцию первыми, уедут быстрее. Тимохан, житель пристанционного поселка, обещал увезти смену шурфовиков на своем мотоцикле, для этого привинтил к нему коляску. К пяти часам утра все уже помылись и переоделись. С таким трудом все наладили, вошли в режим, нельзя бросать шурф без присмотра? На какой-нибудь час опоздает смена, зальет водой электромоторы, затопит рассечку. На скрейперной лебедке совсем новый мотор – жалко, если пропадет!

Но даже бригадир отмахивается – пропади, надо выбираться. Если ему все равно, с других какой спрос? «Разве Касым присмотрит?!» У всех глаза бешеные, обо всем забыли – лишь бы выбраться из пустыни. Мотоцикл облепили, как муравьи. Ревел тяжелый «Урал», колеса зарывались в барханы. Из-под заднего колеса вырывалась струя песка, летела через головы, ветер жег лица, и горбатилась, стелилась до горизонта пустыня, мертвая стерильная земля.

Солнце торопливо взбиралось на полуденную высоту, раскалялся песок, перегревался мотор мотоцикла. Его приходилось часто глушить, и если он долго не заводился – высохшие языки судорожно ворочались в деревянных ртах, в глазах тлели молчаливые огоньки надежды и страха.

На станцию прибыли, будто вылезли из-под земли: седые, чумазые от пыли. Злобно отряхивались, мылись возле колонки на станции, литрами

глотали солоноватую воду и не могли утолить жажду. В магазине был только консервированный сок. Игорь взял банку, пробил отверстие о торчащий из забора гвоздь, стал пить. Живот вздулся, и началась рвота. Вытирая с глаз слезы, слышал, как за спиной прохожий брезгливо сказал кому-то:

– Что за народ эти геологи, даже в такую жару пьют...

Игорь вышел на перрон, в тень, ближе к проходчикам своего звена. Им повезло, они достали билеты. Правда, в общий вагон, но и это – большая удача. Поезда переполнены, тем, кто приедет на вахтовке, скорей всего, придется заночевать на станции.

Проводник, шевеля усами, крикнул, что мест нет и попытался закрыть тамбур перед носом наседающей толпы. Его отшвырнули, набились. Сбавив гонору, он боком пролез вдоль переборки к служебному купе и заперся. Вагон закупорен, как бочка, не открывается ни одно окно. Попискивают дети. Мужчины разделись до пояса. Струится пот по загорелой коже, застилает глаза, стучит в голове кровь: духота!

– Эй, парень! – тарабанили проводнику. – Открой хотя бы дверь нерабочего тамбура.

– А штраф ты за меня платить будешь? – сквозь переборку прогнусавил проводник.

На стоянках распаренные пассажиры вываливали на насыпь, ловили кожей легкое шевеление воздуха. На ходу в очередь теснились к открытым дверям рабочего тамбура, глотнуть воздуха, как рыбы в ведре, ощутить прохладу. Молодой бригадир поезда, под хмельком, пробился в тамбур, заполненный людьми.

– Почему двери открыты, пра-авадник?

Обиженно мигая, тот суетливо оправдывался, шевеля вислыми усами:

– Ничего не могу сделать! Насильно заперли в купе...

Бригадир изобразил грозный вид, развернувшись к толпе, рыгнул сивухой.

– Почему в вагоне окна не открываются? – вразнобой завозмущались пассажиры.

Бригадир начальственно похлопал себя ладонью по плечу.

– Погоны видите? Кто я вам, проводник, чтобы решать такие вопросы?

Минуту назад нагловатые, проходчики притихли, наткнувшись на начальственный тон.

– Должны же заботиться о пассажирах, раз уж билеты продали? – вежливо заметил Шульц и демонстративно вытер капельки пота с затылка.

– Кто я тебе? – с двойной напористостью наседал бригадир, уловив в голосе робость. – Закрой дверь!

Всегда молчаливый, деликатный, Игорь вдруг резко отбросил руку бригадира поезда.

– Пошел вон! – процедил сквозь зубы, бледнея. – Не смерди сивухой, без тебя нечем дышать.

– Я милицию вызову! – пригрозил бригадир, и глаза его торопливо прикидывали, чего может сделать этот, не то работяга, не то интеллигентик и не могли отнести его к определенной категории пассажиров общего вагона.

– Вызови, – усмехнулся Игорь, – мы тебя сдадим в вытрезвитель. – И, пытаясь удержаться на спокойном тоне, недобро добавил: – И еще напишем в управление Дороги...

– Ты зайди в вагон, – осмелели проходчики, – посмотри, что там делается.

Бригадир развернулся с видом, будто решился на крайние меры, но в его растерянных глазах мерцал страх. Игорь залез на третью, багажную полку. Вверху духота была еще терпче. Пот струйками тек по телу, щекотал кожу, не давая уснуть.

– Не спишь? – высунулась лохматая голова Лаптева. – Мы бормотушки достали: барыга в ресторане за двойную цену продал. Выпьешь?

– Давай, – решился Игорь, – вдруг, усну?!

Хоть чем, хоть как убить бы, уничтожить бесполезное время пути: проснуться в Алма-Ате. Игорь спустился в тесный круг полуголых проходчиков. По рукам ходил липкий стакан, наполняемый Шульцем, работяги приглушенно и добродушно переругивались, оглядываясь на женщин с детьми. Пряча от них глаза, Игорь выпил залпом два стакана, залез на свою полку и уснул.

Он проснулся от громкого, вызывающего смеха Лаптева и изошрённого мата. Возле купе толпились юнцы с нагловатыми глазами. Какой-то пацан, вызывающе усмехаясь, показал из-под полой рубашки рукоять ножа, обернутого синей изолентой, другой поигрывал куском арматуры. Игорь видел сверху, как в руках Лаптева блеснул складной нож взрывника, как Шульц под шумок отбил под столом дно пустой бутылки. Бригада ощетирилась.

– Дай я этому щеглу вмажу! – дернулся кто-то.

Хулиганы, не ждавшие такой сплоченности, пошли на попятную. Лаптев схватил за руку самого шустренького и нахального, выхватил из-за его пояса косой сапожный нож.

– Всадил бы тебе в зад, – вертел острие у его носа, тот вытягивал длинную шею, сторонился, прикрывая лицо плечом. – Всадил бы, да ехать далеко.

– Пошел за бутылкой, – жаловался Касым. – Они, «агай, дай двадцать копеек!» Иду обратно – «дай бутылку». Я – по рогам, а они кодлой...

Игорь слушал с верхней полки, как все развязней становятся голоса друзей, зажимал уши, стонал. Сколько себя помнил – ненавидел все это всеми закоулками души. Кажется, дали бы волю, вывел такую компанию на бархан и расстрелял – рука бы не дрогнула. Но сейчас, зная каждого из них... Ничего не оставалось, как заткнуть уши и молчать.

Еще вчера он только намекнул Лаптеву на денежные затруднения, и тот дал ему сотню из зарплаты – вернешь, когда сможешь. Недавно Шульц,

сам страдая расстройством желудка от плохой воды, отдал последние таблетки. Но эта брань внизу, при женщинах...

Игорь проснулся под утро. Народу убавилось, дышать стало легче. Почти все проходчики сошли с поезда на предыдущих станциях. Он вышел в нерабочий тамбур. Стекло в двери, которую так упорно не хотел открывать проводник, было выбито. Ночная прохлада пахнула в лицо. Подставляя ей лицо, благодарный тому хулигану, который выбил стекло, впервые за последние трудные дни Игорь заулыбался.

Поезд подходил к Алма-Ате, появлялись свободные места, изменились пассажиры: теперь в вагоне в большинстве были вежливые и приветливые люди. После пустыни Игорь за версту мог узнать их в любом национальном обличье. Поезд вырвался из дикой равнины, веяло оазисом и возделанной землей.

Прогодал бригадир Фокин. Как Паша ни был зол на его бригаду, но поневоле сделал ей доброе дело. Лаптевским некогда было заниматься побочными работами, а начальник партии приказал обустроить и отпалить скальник под площадки для буровых. Скрепя сердце Паша отдал эту работу фокинской бригаде. Каждая площадка по оплате выходила дороже, чем три метра проходки по стволу. А сделать за световой день две площадки – плевое дело.

Хотя с приходом нового звена и закончились чудеса в бригаде Фокина, все равно работа шла безнадежно медленно. А тут, почуяв деньги, люди на глазах ожили. И опять заходил по буровым анекдот, будто Фока, узнав про площадки, выл дурниной. И, будто Кондрату на горном участке стало «не в кипешь»: все заняты! Выгреб он из холодильника замшелые сухари и подался по жаре в город навестить беглого бригадира и там, говорили, сгинул.

– Ну, не мог я поступить иначе, – оправдывался Паша. – У вас подряд горел. Сами подумайте: разве оплатили бы вам по тысяче, если у другой бригады – голый тариф?.. Можно их наказать, но для этого надо изменить расценки. Сами знаете: лишний рубль набавить и министру не под силу, а срезать и в нашей конторе могут. Но зачем вам из принципа себе в карман гадить? Как только будет другой наряд на площадки – он ваш! – клялся Паша.

Казалось бы, какое тебе дело до того, сколько начислили другой бригаде? Зачем считать чужое?.. Но, вот, обида... Они чудесами занимались, мы работали на износ – а зарплата одинаковая.

– Где там одинаковая? У них, кудесников, на пятый разряд по червонцу больше!

– Подряд называется...

– Какое тебе дело? – кричал Дед. – Я у тебя деньги взял?

– Ребята, – устало оправдывался Паша, – при чем тут подряд? Это чистая случайность...

Все понятно, начальник, но ты скажи, почему таким, как они, всегда везет?

Коэффициент трудового участия ощутимо ударил по карману звено Хвостова. Казалось, он ходил под высоким напряжением: того и гляди – вспыхнет. Козоглазов у кассы пошутил, было, что чудеса ценятся дороже, чем пахота... Их еле растащили.

– Подряд называется, – ругались в звене Хвоста. – Лапти чуть не в два раза больше получили. Это что? Общий котел?

У Хвостова нервно подрагивали ноздри, морщился от мыслей лоб и сходились на переносице брови. Он долго смотрел на горизонт, где чуть виднелись горы, выплюнул сигарету в окно и встал:

– Все правильно, не канючьте! Нам и этого много: уезжали Лапти начали выставлять стояки в камере, приехали – то же самое, еще и завал им разобрать пришлось.

– Так мы не упирались, что ли? Не повезло! С каждым может быть!

– Работать с энтузиазмом и дурак может, платят за пользу. А пользы от нас в прошлом заезде не было, – подвел черту звеньевой и заспешил: – Все! Нет обид! Кто последнюю смену на кэша сидел?.. Собирайся, бури! Дашь шпур по кровле метрах в пяти от забоя. Идея есть, – глаза звеньевого щурились холодно и зло. – Можно выйти на два цикла в смену, по крайней мере, в ночную.

Ночью, подключив сварочный аппарат, Мишка сделал бадью из металлической бочки емкостью в четверть куба. В три раза быстрее пошла отгрузка. Паша удивлялся резко подскочившей производительности, мучился – понять не мог, за счет чего? Однажды явился на шурф в полночь, когда из шурфа вместо бадьи выскочила бочка. Он ее отобрал и на глазах звеньевого порезал сваркой. Потом долго и терпеливо объяснял, как рисковали: может лопнуть трос и груженная бочка полетит вниз... Трос, хоть и новый, но, действительно уже растянулся. Сто, двести подъемов – а потом?

Лежали в стороне от шурфа остатки изобретения, маленькая, но надежная бадья ходила вверх-вниз, медленно шла отгрузка. Но Хвостов опять хохотал, представляя, какое лицо будет у начальника, злорадствовал, не мог забыть отобранную бочку.

И снова Паша привидением появлялся среди ночи – нарушений не было, а задуматься было над чем. Посмеивались, что начальник от подозрений похудел: то ночная, то дневная смены делали по два цикла и проходили по четыре, по пять погонных метров в сутки. И была в той работе подозрительная периодичность: первая смена – одна отпалка, вторая – две, третья – одна, четвертая – две... Звеньевой не хотел объяснять, отчего так, посмеивался: как разведка?

– Знаю, хитришь, но понять не могу – вздыхал Паша.

– Может, сам попробуешь?

– Попробую!

Паша не бросал слов на ветер, пришел на другой день утром. После недавней отпалки гудел вентилятор, надувая огромной колбасой прорезиненный вентиляционный рукав, выгонял из шурфа отпалочный газ. Его невидимые струи текли возле вагончика, ноздри пощипывало запахом сожженной взрывчатки.

Проходчики завтракали. Паша выпил с ними кружку крепкого чая и вместе со сменой стал одеваться для работы в шурфе. Спустившись, пополз по отпалке за Славкой к забою. Высвечивая путь лампой на каске, тот волок за собой шипящий перфоратор. Лег на бок, подналег всем телом. Застучала коронка, грохот резко ударил по ушам, забой стала застилать пыль. Паша задом-задом отполз за отпалку. Видел, как заливается потом забойщик, лежа на боку, забуривает шпур под серьгу. Нормальному человеку трудно быть рядом и не помочь, пусть за это не платят. Отплевываясь от пыли, Паша помог вытянуть назад перфоратор, бросил Славке кувалду, серьгу, клин. Тот тяжело дышал. Забой был плохо проветрен, от газа стучало сердце в ушах начальника подземного участка, а там, за отпалкой было того хуже. Лежа в неудобной позе, неловкими ударами из-под груди забойщик бил кувалдой по клину, ругался и хрипел. Паша навесил по борту рассечки гирлянду лампочек, подал конец в забой.

Славка выполз, не снимая рукавицы, привычным махом выключил лампу на каске, поволок к забою скрейперный блок. Паша помог ему вытянуть трос, тот закрепил блок на серьге, отдуваясь, выполз в рассечку, затем в камеру, сел у зумпфа, подставил мокрую голову под струю воздуха из вентиляционного рукава. Он нес в себе зной раскалившейся пустыни и пряные запахи трав, которых в это время на поверхности не найти ни зрением, ни обонянием. «И все-таки, – невпопад думал Паша, – где-то должна быть трава, раз в воздухе есть ее запахи?!» Чувствовал, как учащенно бьется, не успокаиваясь, сердце.

– Не придирайся, начальник, план делать надо! – насадил на голову каску проходчик. – Лаптям закрыл по шесть сотен – чем мы хуже?

– Они свое честно заработали! – пожал плечами Паша, в который раз чувствуя в словах упрек за то, что равнодушен к звену Лаптева.

– Ничего, сочтемся, – мстительно оскалился Славка. – Как ухнем за заезд месячный план, посмотрим, что запоет Лапоть со своими живоглотами.

Паша покачал мокрой головой без каски:

– В том звене ребята сильные, вам с ними тягаться трудно.

Скреперный ковш выскочил из рассечки, куски породы застучали по лотку. Не отрывая от него глаз за рычагами лебедки, проходчик оскалил зубы, шевельнул губами:

– Посмотрим! – Легко перепрыгнул через зумпф, дал на поверхность сигнал, смысл которого Паша не понял, хотя сам весной выписывал на фанере шрифтом значение каждого.

«Что же не начинаешь выдавать породу?» – хотел спросить, но проходчик скреб и скреб рассечку скреперным ковшом, подгребая отпалку к лотку. В камеру спустился Хвостов, подмигнул: как разведка? Начал протягивать к забою шланги. И опять Паша удивлялся: звеньевой работал в ночь. Он снял серьгу с блоком, перевесил на середину рассечки, в шпур на кровле. Славка начал отгрузку, а вскоре в освещенном забое застучал перфоратор, из рассечки потянуло душным облачком сырой пыли. Начальник подземного участка понял, каким образом звено дает два цикла в смену, формально не нарушая техники безопасности. Но риск был: ковш лебедки мог зацепить шланги.

После обеда дневная смена сделала первую отпалку, к вечеру в камеру опять спустилась бадья со взрывчаткой. Паша вылез на поверхность и схватился за сруб шурфа: от чистого воздуха кружилась голова.

– Тебе-то зачем было пыль глотать? – спросил Славка, сдирая с тела залипшую мокрую робу. – Ты меньше нашего получаешь, делай свое дело!

– Для практики, – серьезно ответил Паша.

– Ну, если для практики... Хорошо нам помог, – плеснул в лицо воду из расходного бака, – я почти не запарился, не то, что вчера. – Не подгадишь? Не придерешься?

– Я нет! – помолчав в раздумье, ответил Павел. – А вот инженер по тэбэ – не знаю...

– Мы перед ним выдрючиваться не будем!

* * *

– На пользу пошел им КТУ, – здоровался Паша с новой сменой, приехавшей на работу. – Вам до плана месяца осталось пройти десять метров. Но не успокаивайтесь: сами знаете – сегодня полторы нормы, а завтра, тьфу-тьфу, авария и ноль! Сделайте заначку: пройдите метров пятнадцать. Мало ли что может случиться?!

Игорь ночью работал на кэша, каждую минуту осматривался: на свет в кабину лезли мухи, саранча, бабочки, а за ними скорпионы и фаланги. Шульц, наскреперовав полный лоток породы, стал выдавать ее на-гора. Потом затих, минут через двадцать дал сигнал: «Включить компрессор». Начал бурить.

Взрывчатку в бадье Игорь спускал еще затемно. А в сумерках рассвета, когда забой был заряжен и пучок шнуров подожжен, заметил, как что-то шевельнулось в болотце, образовавшемся в солончаке возле шурфа, куда был выведен сброс насоса.

Лебедка работала, выбирая трос с бадьей, на которой болтался Шульц в грязной робе. С каждой секундой становилось светлей, Игорь, бросив взгляд на барабан лебедки, снова обернулся к болотцу. Похоже, в солончаке застряло какое-то животное и пыталось выбраться из грязи, а она засасывала его все глубже. Ну, точно, баран!

И откуда он взялся? Чабаны откочевали несколько дней назад. Игорь заерзал на сиденье кэша, в забое горел пучок шнуров, с каждой секундой на сантиметр подбираясь к взрывчатке, мокрый взрывник в бадье выскочил на уровень ограждений, метра на полтора выше, чем надо. Игорь отвлекался, и

все же ему показалось, что какой-то миг лебедка работала с отключенным переключателем. Он опустил бадью ниже. Шульц прыгнул на землю, подпер бок рукой, хотел показать, на что способен в виртуозной брани, но повел носом в сторону, куда смотрел напарник. На его сером, в грязных подтеках лице отразилось сначала недоумение, потом удивление и, наконец, глаза вспыхнули алчностью зверя. С воплем он бросился вперед, и мокрая резина робы скрипела грубыми швами, как полдюжины старых протезов.

Динозавру с утра, была очередь идти на отгрузку породы. Он мужик правильный, полез вниз своим ходом, с трудом протискивая дородное тело в люки полков. В камере был привычный перезвон капающей воды и запах отпалочного газа. Подхватив кувалду, серьгу и клин, проходчик полез в рассечку. От остатков газа кислая слюна то и дело наполняла рот, и он беззаботно поплевывал.

Опережающий шпур, к счастью, не был разбит взрывом. Порода крепка. После нескольких сильных ударов по клину серьга «запела», звеня тонкой струной – значит, закрепились намертво. И вдруг откуда-то из-под земли, сбоку донесся другой звук: странный, жалобный, занудный. Проходчик подивился, постучал еще по клину, озираясь и прислушиваясь, но звук не повторялся. Показалось! Мало ли? Может, где-то вода скопилась и зажурчала ручейком жа-лоб-но так.

Динозавр закрепил блочок, протянул трос, и уже в камере за миг до включения скрейперной лебедки, в ожидании знакомого гула ее мотора, ухо проходчика опять уловило тот жалобный голос, произносивший на этот раз его имя: «Коля-я-я!»

Ковш с шумом заходил по рассечке, наполняя лоток породой. Зумпф был полон воды. За секунду тишины между выключением лебедки и включением насоса ухо проходчика опять уловило тот самый голос. Он прогнусавил из западной отработанной и забитой наглухо рассечки: «и-ди ко мне-е-е!»

Динозавр плюнул и стал подбадривать себя бранью в адрес, Шульца.

– Лысый черт! – ворчал. – Все бы ему хиханьки. Сороковник прожил, а шутит, как юнец. – Коля, до сих пор не мог себе простить, как на станции его разыграли с полетами на кочерге.

Все громче ругаясь, он божился залезть в отработанную рассечку и набить хохмачу морду. Наконец, Динозавр решительно выключил насос, хотя воды в зумпфе почти не убыло, постоял секунд тридцать, замерев в звонкой тишине, среди журчания и капли, прислушивался к звукам подземелья. Ничего нового. Плюнул. Подхватил покачивающуюся на тресе бадью, хотел дать сигнал и поставить ее под лоток, но отчетливый голос прогнусавил из западной рассечки:

– Ко-ля-я! Иди ко мне-е-е!

Динозавр даже присел от неожиданности. В следующий миг кровь его вскипела, он выругался во всю силу голоса, подхватил штык-лопату с короткой ручкой, бросился к забитой рассечке, откинул распоротый вентиляционный рукав, которым были обиты доски, преграждавшие ход. Одной доски не было. Ясно, кто-то недавно залез, вот и четкий след сапога.

– Ну, Шнапс... Хана тебе! – Динозавр включил садившуюся, плохо подзаряженную лампу на каске, пригибаясь, полез в сырую затхлую выработку. Услышал впереди приглушенный топот, зарычал во тьму:

– Морда лысая, тут тебя и похороню...

Он дошел по рассечке до стояков крепления разлома. Тусклый свет аккумулятора выхватил из тьмы круглые печальные глаза, физиономию с длинным шульцовским носом при богатых кудрях, из них торчали витые рога...

Динозавр с воплем подпрыгнул на месте, стукнулся каской о кровлю, с рыком ринулся к камере, дюжим плечом вышиб обшивку, прыгнул через насос прямо в покачивающуюся на весу бадью. Слышал, как «оно» ехидно так пролепетало вслед:

– Коля! Кайда барасын бе-бе-е! (Куда поше-е-л? Каз.)

Бадья вдруг полетела вверх. Динозавр кричал и подгребал воздух лопатой, шурфовой кран выносил его к спасительному квадрату голубого неба.

Хасан сидел в кэша и клевал носом. Было уже жарко, но не настолько, чтобы не подремать в кабине пока напарник настраивается на отгрузку породы. Вдруг трос так резко дернул стрелу кэша, что кран трянуло. С дремоты и от неожиданности Хасан включил лебедку на подъем, а когда спохватился, ожидая ряда коротких сигналов – код, означающий возмущение, ревун три раза невнятно рявкнул, подтверждая «подъем». К тому же проходчик почувствовал, что бадья поднимается с грузом.

Хасан отключил пускатель «подъема» даже раньше обычного, увидев высунувшуюся из сруба оскаленную физиономию Динозавра. Но вопреки законам физики и электротехники бадья поднималась вверх. Хасан щелкал отказавшим переключателем, Динозавр взмывал к самому концу стрелы. Хасан судорожно дернулся под сиденье, к общему рубильнику крана, в предчувствии беды глаза его открывались все шире. Бадья поднялась под самый блок на конце стрелы. Динозавр ловко увернулся от ее удара, но никчемную штык-лопату из рук не выпустил. Автоматика отключения лебедки не сработала. Стрела стала задираться в небо. Динозавр заревел тяжелым басом, шурфовой кран, как катапульта, швырнул его через кабину и замер, обесточенный.

Тем, кто видел все снизу, показалось, что проходчик разделился в воздухе на три части: лопата и прорезиненные штаны разлетелись в стороны от набравшего скорость тела. Динозавр же, описал дугу в воздухе, пропахал животом по бархану, боднул головой в каске дощатую стену уборной. Домик накренился, замер, как бы в раздумье, и упал набок, обнажив срамное отверстие. Хасан бежал к товарищу, его рондолевые челюсти стучали, как ножницы в руках парикмахера.

Лаптев с запозданием отключил общий рубильник участка, и все затихло. В. жуткой тишине на краю зловонной ямы Динозавр поднял голову и с удивлением пробасил:

– Коля! Кайда барасын бе-е-е?

Вечером варили баранину. Он с поцарапанным лицом косился на казан.

– Не могли сказать, да?

– Ты чем слушал? – нахально напирал Шульц. – Я еще утром при тебе рассказывал, как мы с Интеллигентом вытаскивали барана из солончака.

– Откуда мог знать, что у вас хватит ума спрятать его в рассечке?

Скреперную лебедку включаю, слышу: «Коля!». Ты бы от такого тоже, наверно, штаны оставил?

– Ладно, не ной, все обошлось, кости целы! Тебе, как герою дня, дадим голову разбирать.

– Динозавр теперь на всю жизнь калека: как барана увидит, так понос! А-га-га-га!

– Век бы их не ел, – пробурчал проходчик, но миску с вареной бараньей головой принял. Внимательно рассматривая добродушный оскал черепа, задумался, не замечая, что все притихли и смотрят на него.

Шульц из-за спин, сложив ладони рупором, завыл загробным голосом:

– Коля-я!

Динозавру вдруг показалось, что в мутных вареных глазах вспыхнули лукавые огоньки, а белые губы дрогнули в насмешке.

* * *

Паша вошел в тамбур вагончика, пинком отправил под калорифер грязный сапог, валявшийся на пути, толкнул дверь в бытовку. Игорь лежал на лавке, курил и сплевывал в угол, под горячую еще электроплитку с чайником. С потолка черной тучей сорвались жирные мухи. Паша ополоснул кружку чаем, налил.

– Куришь? Раньше не замечал, – спросил проходчика.

– Покуривал, – угрюмо пробубнил Игорь. – Пыль комом стоит в горле, с сигаретой легче откашливается.

– Где остальные?

– Эстакаду делают... А я бурить. Минут пятнадцать вентилятор пусть еще поработает. Газа много.

Паша с кружкой, распугивая мух, по-хозяйски прошелся взад-вперед: от стола к двери, открыл холодильник. В лицо пахнуло сыростью и плесенью. В холодильнике валялись позеленевшие сухари, какая-то бумага, стыла кастрюля с водой. Дверка морозильника уже не закрывалась: один шарнир был выдеран.

– Э-э-х! – закрыл заляпанную грязью дверцу. – Стараешься для вас... Еле выбил весной, совсем новый. Этого мне не понять, – он сел на лавку напротив Игоря. – Ведь все ваше, почему относитесь, как к чужому?

– Фактор временности, – не отрывая глаз от невидимой точки, ответил Игорь.

– При чем тут?.. – поморщился Паша. – Элементарная человечность, воспитание...

– Грош цена твоему воспитанию, – все так же монотонно, как сквозь дремоту, проговорил проходчик. – Хоть сотню воспитателей найми – пусть доказывают, что это и чье это... Я-то знаю! Каждую минуту может подойти машина, и холодильник заберут. – Игорь скользнул рассеянным взглядом по Пашиному лицу: – У Отана Берибаевича холодильник сломается, он прикажет и заберут... Кто может гарантировать, что на следующий сезон нам этот же достанется?.. – Проходчик сел, щелчком загнал окурок в урну, потянулся и начал одеваться.

Натягивая сапоги, хохотнул:

– К тому же, уход за холодильником нужен, значит, время. А до конца сезона проработает. Создай условия, чтобы плохие и хорошие, воспитанные и не очень твой холодильник в чистоте содержали, и не будет проблем.

- Болтун, как все гуманитарии! – буркнул Павел.

Проходчик натянул гремющую от сухости забахромившуюся по швам робу, проверил лампу, подвязал аккумулятор на пояс и вышел. Умолк шум вентилятора, только слышно было, как стучит топор на эстакаде да время от времени повизгивает пила. Потом четыре раза подряд рявкнул сигнал. Через некоторое время затарахтел компрессор.

«Неужели все это нужно мне одному?» – думал Паша, вспоминая равнодушный, мутный взгляд Игоря.

Он бурил долго. Паша успел обежать несколько буровых, но, так и не нашел насос, в отчаянии заглянул на свалку. Побродив среди ржавеющих механизмов, отыскал, что надо. Сходил в реммастерскую, взял несколько гаечных ключей: ведь по какой-то причине выбросили этот насос?! Разобрал. Почти все было в порядке, лишь заржавели клапана.

Когда Паша вернулся на участок, Игорь сбрасывал мокрую робу в коричневых пятнах шлама. Шульц, в опилках, вылез из кэша, хотя взрывчатку начальник участка выписывал на него. Первым Пашиным порывом было спросить, почему взрывные работы делал Игорь, ведь у него нет допуска? За такое нарушение в лучшем случае лишают удостоверения взрывника. И тут глухо сработал под землей первый взорвавшийся шпур.

«Как ни пресекай нарушения, – думал Паша, – они все равно будут, потому что существуют условия. Шульц по пятому разряду получает не на много больше Игоря с четвертым, а у них общий котел. Разумеется, он не видит смысла лезть в обуренный другим проходчиком забой, заряжать его, если лазание по лестницам отнимает больше времени и сил, чем сама зарядка. Никчемная работа ради параграфа инструкции противоречит здравому смыслу. А здравый смысл – это уже условие».

- Ты не сильно рискуешь, Интеллигент! А подловят Шульца – дорого ему обойдется твоя учеба на взрывника! – пригрозил проходчику.

– Понимаю! – согласился Игорь. – С нами по-другому нельзя! Больше не буду, только не наказывай Шульца. Я его упробил.

В раздевалке остро пахло портянками, пересохшей пропотевшей одеждой. Игорь сидел, безвольно согнув спину, не спешил раздеваться. Мимо протиснулся Лаптев, посмотрел, сколько воды в банных бочках, опять вышел, закричал Шульцу, чтобы тот открыл кран на цистерне.

– Помнишь, говорил, если назрели какие реформы, их решат без нас, – мягче заговорил Паша, подсев к Игорю. Тот равнодушно пожал плечами и стал стягивать с себя грязную резину. – В какую сторону – вот, в чем вопрос!

Бурильщики говорят, еще в прошлом году столовая поселка считалась лучшей в управлении. Когда-то и сам Отан Берибаевич стоял в очереди. Условно, конечно, – рабочие хоть со злыми шутками, но пропускали его вперед, если спешил, а спешил он всегда. Повара, зная, что у начальника больной желудок, оставляли для него что получше. Потом он перестал ходить в столовую: повара носили ему обед в комнату. В этом году он занял несколько комнат, отделал их импортными обоями, кафелем.

И сейчас в столовой у него отдельный стол, за который никто не сядет. Здесь его обслужат, как в ресторане. И готовят ему отдельно, и посуда у него отдельная, и банщик никого не пустит в баню, пока не попарится шеф. Главный геолог пишет ему диссертацию, повара сплошь воры. Часто в столовой одни рыбные консервы. А у заместителя по хозяйственной части – изгнанного из органов милиции – физиономия сытая и угодливая.

– А в НИИ было по-другому? – устало спросил Игорь.

– По крайней мере, не так откровенно.

– Катимся куда-то. Все это видят и ничего не могут сделать. Нам-то что? Нам даже хорошо! Еду привозят на место. Перебирайся на шурфы... Хотя, нет, не надо! – скривился и бросил на Павла плутоватый взгляд. – И не говори нашим, что я тебе советовал.

* * *

Сгладились суровые морщины пустыни. Осень. То на холодном ветру приходится бежать из бытовки к шурфу в прорезиненной робе, то так пригреет, что все живое опять лезет в благодатную тень. По ночам уже реже

выскакивали на свет прожектора фаланги. Схватят цепкими лапками мельтешащую бабочку и исчезнут. Чище становится синева неба, отчетливей видна цепь гор на горизонте.

По-прежнему спит пустыня, но сон ее стал спокойней. У нее нет осени с мягкой печалью красок, только сон: то знойный, то студеный или тревожный. И меняется она под небом, как лицо спящего человека. Так века и тысячелетия, если бы не одна вспышка: долгожданная и всегда неожиданная, как рухнувший свод выработки, как капсуль, взорвавшийся под коронкой бура, как сама неожиданность. Весна!

Но весна не скоро. Э-э-х! Только в следующем году!

Они встретились утром на вокзале станции. Звено Лаптева выгружалось из поезда, а Хвостов со своими проходчиками уже сидел на крыльце вокзала. Славка клевал носом, несмотря на раннее время, его тусклые глаза плавали, как яичный желток на блюдечке. Лаптев увидел пятерых – значит, на шурфе никого не оставили, – и недоброе предчувствие покривило его улыбку.

– Опять что-то случилось?

Хвостов мотнул головой.

– Все в порядке: сработали, как вы, копейка в копейку ваши метры настреляли.

– Тогда должно быть в запасе около двадцати погонных метров?

– На кого шурф бросили? Зальет ведь...

– Касым сидит, воду качает.

– Мы тут прикидывали, – звеньевой кивнул в сторону Славки, и тот, моргнув с таким усилием, что мотнулась голова, вытаращил глаза на Хвостова. Зачем лишний месяц сидеть в пустыне? Запас есть, если вы опять сработаете, как в прошлом месяце, да мы приедем – выложимся... А? Как долбанем двойной подряд. Заначка-то есть?!

– Хорошо бы! – замялся бригадир.

Динозавр замахал руками, заревел во всю мощь луженой глотки:

– Чем здесь плохо? Приехал на поезде – тебя вахтовка ждет. Накормят.

Мало вы в геологии работали: когда на подножном корме, да неделями домой добираться... А деньги... Их больше своего не получишь – хоть ты десять планов дай: разве начальству орден добудешь. Уж я-то знаю!

– Ты все знаешь... Письмо в газету написал? Как там динозавры?

– Эх, – обиженно отвернулся проходчик. – Мало вы в геологии работали.

Бригадир настроился дать два плана, но работать не давали. Две смены на шурфах собирали щепки, наводили красоту на час.

«Пятилетку в четыре года!» – виртуозно матерясь, Мишка Лаптев сам подкрасил этот лозунг засохшими белилами.

Главный инженер привез со станции ящик водки, ждали комиссию. Прилетел самолет с начальством, и поселок затих. На шурфах в который раз подметали территорию. Паша исчез, как в песок зарылся.

– Этот далеко не пойдет, – баламутил всех Хасан. – Вон, Ванька – главный инженер, из помбуров, всего-то на третьем заочном курсе учится, но уже большой начальник, потому что умеет хвостом крутить. Ишь, водочки для начальства привез. А Паша так и застрянет в участковых. Может и в проходчики перейти.

– Языка у него нет, – поддакивал бригадир. У главного-то во! – показывал вытянутую руку, ладонью другой хлопал по плечу. – Как пощекочет Отану Берибаевичу под ягодицами – тому приятно. А Паша что?!

Приехала на шурфы комиссия. Главный бегал к бочке с питьевой водой, все не мог напиться. Поусердствовал вчера в гостеприимстве!

Начальство ходило возле шурфов, как на диво, смотрело на шурфовые краны и вагонетки.

– Подходите, ребята, ближе, разговор есть, – махал руками один. Мы, собственно, не с проверкой.

Шульц выразительно повел носом в сторону мастера и пошевелил губами без звука. Касым понял его и виновато пожал плечами: кто мог знать, зачем их черт несет. Напрасно подметали и укладывали бревна приятными для глаз, неудобными для дела кучами.

Приезжий начальник заговорил, равнодушно глядя поверх голов:

– Ваша бригада зарекомендовала себя опытным, слаженным коллективом, способным решать трудные производственные задачи. Нам не хотелось бы терять вас, но зимой подземных работ в экспедиции не будет. Если кто пожелает – мы дадим временное направление на рудники, где всегда нужны люди. Или поработайте зиму на поверхности, в экспедиции. Вам и переждать-то нужно всего четыре месяца, а весной начнутся большие работы: будут шурфы и штольни. Администрация постарается пойти вам навстречу, чтобы сохранить бригаду.

Экспедиционный начальник на миг оживился, глаза с любопытством пробежали по застывшим лицам проходчиков:

– Говорят, собираетесь дать два плана в месяц?

Кто замялся, кто стал прикуривать сигарету. Лаптев за всех как-то неловко пробормотал:

– Так оно, конечно, когда люди сработались – другое дело, а то ведь сначала что было? – он попытался усмехнуться, но недоверчиво зыркнув по толпе, отступил ближе к своим.

В эту ночь замерзли все лужи возле шурфа. Динозавр на что не восприимчив к перепадам температуры, но и он разыскал драные ватные штаны, с треском напялил их на свои мощные ляжки. В ту ночь роба на Хасане схватилась коркой льда, пока он бежал от шурфа к вагончику. И долго еще проходчик сидел у калорифера, стучал рондольевыми коронками, считал взрывы заряженных шпуров.

Накричавшись до хрипоты днем, вечером Лаптев прикидывал пройденные метры выработок, пересчитывал оставшиеся дни, довольный собой и бригадой, ухмылялся:

– В плане! Если без сбоев – вытянем. Но...– опять срывался: – Пахать надо! А ты сегодня вагонетку уронил. Полчаса потеряли.

Удачно шла смена. Нереальный скоростной подряд выполнялся, сомневаться в этом уже не приходилось. Но мало ли что может случиться за оставшуюся неделю? На всякий случай шумел Лаптев, поторапливал.

Все ждали аванс. Второй раз кассирша собиралась ехать в банк районного центра, а молодой техник-геолог, сердито прихлебывая горячий чай в вагончике проходчиков и клялся, что сопровождает ее в последний раз.

– Мне зачем это надо? – спрашивал сам себя, и глаза его поблескивали холодком. – Когда-нибудь не сдержусь, врежу директору банка по лбу наганом.

Деньги геологическая партия получала довольно четко. Каждый раз, подвесив на пояс револьвер, кассира – молодую женщину – сопровождал техник с поверхности, а шофер клал под сиденье двустволку. И всякий раз они везли директору банка то дефицитную краску, то кафель, то мясо. Их пропускали, не заглядывая в тяжелый мешок, знали в лицо. В кабинете директор играл в шахматы с бухгалтером какого-то колхоза, тот, не оборачиваясь к вошедшим, заискивающе шутил.

Кассирша засомневалась: подсунуть чек на подпись или подождать, когда закончится игра. Техник грубо швырнул мешок в угол, звякнули банки с тушенкой, но на вошедших не обращали внимания. Тогда Техник скрипнул зубами, сдвинул на бок кобуру, сбившуюся в пах, взглянул на кассира и плюхнулся на ближайший стул. Несколько минут ожидания показались ему вечностью, пот выступил на лбу.

Наконец бухгалтер с жирным затылком расшаркался, проиграв на шахматной доске, двумя руками стал трясти директорскую руку. Кассир придвинулась к столу, поздоровалась, пожирая директора огромными и восторженными голубыми глазами. Тот, не ответив, уткнулся в бумаги и проворчал с преувеличенным акцентом:

– Нэт, деньги!

– Тушенку ему не надо, – возмущался техник в вагончике проходчиков.
– Он Галку хочет. Так мне и заявил, падла, и я ничего не ответил:
развернулся, ушел и мешок оставил. Нет бы по морде, по морде... Наганом
бы, – садистски оскалился. – Много не дали бы.

Кто-то натянуто хихикнул:

– А кассирша что?

Кто-то приглушенно выругался.

Техник пожал плечами.

– Отан Бермбаевич собрался сам ехать в банк. На кассиршу орет, что, у
нее вся работа два раза в месяц деньги выдавать?

Про волка речь, а он навстреч. Газик Отана Бермбаевича неожиданно
выскочил на территорию подземного участка с той стороны, с которой никто
никогда не приезжал на шурфы. Он бодро выскочил из машины, за ним
семенял Паша: запуганный, сутулящийся. С похмела, что ли!

– Молодцы, ребята! – стал весело здороваться с проходчиками
начальник партии. Вышагивал по площадке, не замечая беспорядка и мусора.
– Буду для вас просить поощрения: первое место в управлении обеспечено:

Он уехал, а Паша остался, угрюмо походил по площадке, поковырял
носком сапога породу в отвале, потом долго сидел с Касымом, о чем-то тихо
переговариваясь. Решившись, встал, вышел из вагончика и отключил
главный рубильник. Участок затих. Из кэша высунулся Игорь. В мокрой
темноте внизу ругался, Шульц. Стали подходить проходчики со второго
шурфа. Паша стоял, чуть пригнув голову, опустив руки, будто готовился
защищаться в неравной драке.

– Плохие новости, ребята! Точно знаю, что наш инженер по технике
безопасности получил указ: вывернуться наизнанку, но двадцать процентов
премии с вас снять.

Лаптев нервно гоготнул:

– Кувалду ему! Мы теперь почти без нарушений – двойной подряд
почти готов!

Фокинские злорадно зашумели:

– Хочешь, сейчас, не отходя, назовем десяток нарушений?

– Хоть два: вместо шпильков – гвозди, по эстакаде, два пролета без ограждений... Передовички!

Они завистливо грубили, а не злорадствовали, и на их слова никто не обратил внимания.

– Не спорь, Миша, – вздохнул Максимов. – Всегда можно найти недостатки и нарушения, если ставить это целью. Тэбэшнику вникать в наши проблемы не требуется, ему только зафиксировать!

Но, оказалось, что найти повод не так легко. Тэбэшник, озадаченный сверху, даже в шурф спустился, а уж вокруг него ходил весь день. Проходчики смотрели на него зверем, в разговор не втягивались. Внизу было мрачно и сыро. Все ржавое. К чему придерешься? Запишешь замечание, а за него засмеют?! Инженер по технике безопасности двадцать лет был простым бурильщиком, подземки не нюхал, закончил заочно техникум. Он вылез на поверхность, еще походил вокруг и затаился за барханом, чтобы подсесть, как проходчики катаются на бадье... Тут их и... Х-холодно!

Лаптев решил не отдавать свои кровные двадцать процентов и пошел на принцип со зла – а оно плохой советчик. И потому творились на шурфе дела чудные: тэбэшник глазам не верил. Только отгрузились, проходчик выскочил из кабины кэша и как Баба-Яга завертелся по площадке с метлой, пыль поднялась столбом. Инженер приподнял голову, думал, специально завесу ставят, но нет – ограждение на эстакаде ремонтируют... Нет бы ему своей рукой попробовать, приварены ли стояки. Теперь поздно!

Хо-ло-дно! Сомнительная, но спасительная мысль пришла ему от неудобства и ветра, шевелящего песчинки на бархане. Еще в июне по этому шурфу было замечание: не хватало скоб, кузница партии не справлялась с заказом подземщиков и приходилось экономить. Пробивали их на крепи ствола через одну. Нарушение проекта осталось неисправленным. Оно, конечно, по здравому-то смыслу, чего эти скобы пробивать сейчас, когда

шурф со дня на день начнут разбирать?! Но нарушение – факт. Песок и ветер делали его все веселей, и тэбэшник, отряхнув пыль с живота, поплелся в поселок, писать рапорт с предложением лишить бригаду двадцати процентов премии за октябрь месяц. Там он то ли отогрелся, то ли стал маяться совестью – решил съездить на шурф среди ночи, проверить, не забил ли Лаптев скобы всем назло. Он может и такое отчудить... А вдруг кто на бадье поедет?!

Щуплый, но верткий и жилистый Хасан шел в ночь на пару с Динозавром. Предыдущая смена под конец работы отпалила забой и Хасану пришлось ждать: гудел вентилятор, проветривался шурф. Динозавр, громко швыряя, пил чай. Хасану не сиделось. Последнее время он был нервный, не иначе как хотел вывесить свою зековскую физиономию на доску Почета, доказывал, что три цикла в сутки – пустяк и точил рондолевские зубы на новый рекорд. Динозавр же начинал впадать в спячку – он знал геологию, происки начальства при повышенной зарплате и принимал это как должное. В нем что-то уже гасло.

Хасан повертелся в вагончике, поскрипел сухой робой, сунул ноги в огромные не по размеру сапоги и затопал в сторону шурфа. Динозавр сладко задремал и вдруг получил тычок в бок. Над ним склонился Касым.

– Хасан уже полчаса, как в шурфе, и ни слуху, ни духу. Вентилятор как работал, так и работает.

Чтобы Хасан полчаса настраивался на отгрузку – поверить трудно. Динозавр сорвался с лавки и побежал к шурфу. За ним испуганно семенил сухощавый Касым. Присматривались сверху так и эдак. В камере горел свет, и никого. В зумпфе вода подбиралась к лотку. Бадья! А что это там в воде? Вроде сапог торчит?!

– Ну, ты как скажешь, – задрожал голос Касыма. – Ой, бай... похоже...

Одним прыжком мастер заскочил в кабину кэша, опустил бадью на уровень сруба шурфа. Динозавр скакнул в нее, стрела дернулась от его веса.

Зумпф был полон воды. Один хасановский сапог сорок седьмого размера при падении проходчика зацепился за скобу и сигнализировал о помощи. Вблизи уже видно было расшеперившееся в воде тело в зеленой робе. Динозавр вытащил его, склизкого, тяжелого, бросил поперек бревна в лебедочной камере. Из рта Хасана струей хлынула вода.

Бурильщики говорили потом, что она вышла с опилками и щепками, с десятком, заглоченных скорпионов и фаланг. Динозавр – единственный свидетель, с неделю отрицал этот факт, но потом поверил, будто так оно и было. А после сезона рассказывал об этом, бил себя в грудь, рвал на себе рубаху, и, закрывая глаза, чтобы лучше вспомнить, считать тех выскочивших дохлых фаланг и скорпионов.

Но это потом, а пока... Он помял, потискал тело, втокнул его в бадью, сам повис на ней и дал сигнал на подъем. Бадья осторожно пошла вверх.

Тэбэшник непростительно опоздал. Когда он явился среди ночи, Хасан лежал в бытовке на лавке и бормотал:

– Лады-лады-ладушки! Час-час-час! Нор-рмально, у, кайф! – открыл глаза и еще раз с воплем изверг из себя остатки грунтовых вод.

– В больницу надо! – с лицемерной скорбью приплясывал вокруг инженер, и железной прочности двадцать процентов, позвякивали в его кармане. Касым обреченно вздыхал: ему, как мастеру, достанется больше всех.

Хотя у Хасана мозги были изрядно затуманены угарным газом и утоплением, но сориентировался он раньше других и на лицемерно-сочувственный вопрос тэбэшника бледнеющему мастеру, сказал, будто приглашал инженера прогуляться:

– Это ж надо так перепить, начальник?! На ногах стою, а кумар не выходит. И все от корейской водки под украинский закусь: Крокодил сало оставил. Воды я сегодня выпил, – задумчиво рассуждал Хасан, – ведра три. А потом – брык с копыт: Кондрат отоварил, а меня давай выворачивать...

Тэбэшник не ожидал такого наглого оборота.

– А это что? – ткнул пальцем в лужу на полу, в которой плавал зумпфовый мусор. – Не из шурфа же ты хлебал воду? Будь мужчиной, признайся честно: не проветрили шурф, мастер не проверил, ты спустился, угорел, упал в воду, нахлебался!

Инженер пытливо уставился на Хасана, а тот, оскалив подернутые окисью челюсти, сложил из корявых пальцев дулю и сунул ему под нос.

– Догадка – не улика, начальник!

Касым облегченно зарозовел.

– Что бочку катишь на всю смену? – зычным голосом зарокотал Динозавр. – С пьяницы сдернешь премию, если Паша с бригадиром разрешат. А то, что он мокрый, так мы его водой полили.

– И даже ноги? – взвизгнул инженер.

– С ног до головы поливали, – подтвердил Динозавр.

– До смены я его не допускал! Проверь по журналу, – напористой заявил мастер, вспомнив, что перед сменой забыл подсунуть проходчикам журнал допуска.

– Да я же так, по-человечески... Что вы сразу в штыки? Я двадцать лет на буровой...

Хасан опять показал коронки:

– Знаем, чего вокруг шурфа крутишься: губу раскатал на нашу премию?! Харя треснет! – И загоготал, захлебываясь кашлем.

– Не треснула! Тэбэшник написал про скобы, пробитые еще в июне. Казалось бы, какое кому дело до июня, если шурф закрывается? Но рапорт пошел по инстанциям и оформился в кругленькую сумму. Зря проходчики по приказу Лаптева мели площадку, работали с двойной осмотрительностью, укрепляли, чинили то, что шло на слом, бессмыслица – она и есть бессмыслица. Зло и упрямство – плохие советчики.

Прав был Интеллигент, заявив, что недостатки можно найти и в устройстве кувалды.

Замело, завывло, захрипела в своем болезненном сне пустыня. Снег, колючий, как толченное стекло, перемешался с песком, тер и кровянил кожу на лицах. Ни тебе человеческой зимы, ни осени! Ветер, как свихнувшийся художник, выписывал из песка и снега один и тот же узор, камни и железо пытался размять цепкими пальцами, чтобы превратить в пустынные разводы барханов.

Как всегда, в любую погоду в сапогах и штормовке, вдали, в серой мешанине песка и снега, показался Паша. В вагончике не выключался калорифер и было тепло. Порывы ветра доносили вой вентилятора. Проходчики неторопливо пили чай. Были последние ленивые отпалки. А Паша маячил вдали, прикрывая плечом стынувшее ухо.

Лаптев начал выстукивать дробь каблуком резинового сапога, геолог осуждающе уставился на него и Лаптев, забросив ногу на ногу, отвернулся к окну.

– ...ни в коем случае не соглашайтесь, – монотонно продолжил геолог, как в пустоту. – Это ваши деньги...

Была запланирована выборочная отпалка проб. Он должен указать место, проходчики – шпур к шпуру – обурят кубический метр, расстелют под ним плащ-палатку, отпалят мелкими зарядами. Ювелирная работа, дорогая, выгодная. И вдруг геолог сообщил, что начальник партии решил забрать эти деньги себе. Почему проходчики молчат? Хоть бы ругались – все легче!

– Я знаю, что пробная отпалка оформляется отдельным нарядом. А он хочет, чтобы вы сделали ее как текущую. Потом закроет наряд на своего шофера, деньги заберет... Что молчите? – повысил голос. – Не соглашайтесь бурить, пока не будет наряда на руках.

Хасан плеснул под стол выпаренную заварку из кружки. Динозавр выглянул в окно и неприлично тихо для него сказал:

– Паша идет! Мотается, будто на кочерге.

Хлопнул пустой кружкой по столу Лаптев, все столпились у окна. Только Интеллигент, полулежа на лавке, молча курил и отхлебывал из кружки терпкий чай.

– Как же с отпалкой? – опять спросил геолог. Снял очки, и лицо его с размытыми, будто заплаканными глазами, стало беспомощным, как гаснущий луч разрядившегося аккумулятора.

Вошел Паша с вздыбившимися серыми волосами и серым лицом в мокрых подтеках, со спрессованным снегом и песком в складках штормовки. Не здороваясь, вытянул руки над красной спиралью электроплиты. Проходчики, как лунатики, плавно заняли прежние места, приняли те же позы, в каких слушали геолога.

– Ты что в такую погоду пехом? – криво улыбаясь, спросил Динозавр.

С трудом разлепляя замерзшие губы, Паша проговорил, не отрываясь от плиты: – Плохо дело, ребята!

– Ну, что еще может быть плохо? – взревел бригадир. – Куда хуже? Опять кто-то на наши деньги пасть разинул?

Паша двумя руками с силой провел по лицу, размазывая песок и пыль, стряхнул ладони над плитой, спираль зашипела.

– В плановом отделе нашли закон – если прямой заработок превышает триста рублей, то все надбавки: полевые, безводные, а они у нас больше ста процентов – снимаются.

Лаптев удивленно присвистнул, и этот свист перекрыл рокот Динозавра:

– А ты что, не знал?.. Я же говорил... Говорил. Думал, нам заплатят, будто мы работаем в ноябре...

– Это что ж выходит? – вскочил Интеллигент. – Что тридцать, что шестьдесят метров за месяц, зарплата одна? Не может быть! – Он плюхнулся на лавку, вытянувшись в струнку, пристально уставился на Пашу.

– Как работать – жолдас, план давай, как деньги получать – все равно пропьешь! – твякнул из угла Хасан.

Паша крутил головой над раскаленной плитой.

– Я перерыл все справочники – обойти закон невозможно. Закрывать наряд на тридцать метров в счет ноября начальник партии не соглашается. – Он поднял красные, воспаленные глаза. – Получите деньги только за погонные метры, ну и премия, конечно. Грамоты дадут, если хотите.

– Мы в городе этот месяц работали, да? Почему не хотят платить надбавки, которые получает каждая уборщица в поселке?

– Против нашей логики и здравого смысла – закон! – взяв себя в руки, печально изрек Интеллигент.

– Будто закон не для людей придуман?

– Он всегда против нас! – оскалился Хасан.

– Что разорались? – зарокотал Динозавр. – Ведь Отан Берибаевич обещал...

– Ничего он не обещал. А то, что говорил «молодцы» – ни к чему не обязывает. Он за вас премию получит, я – тоже. Вам отдам – ваши деньги!

– В бадье я видел твою премию, – заорал Динозавр. – Куда раньше-то смотрел? Я же предупреждал. Салага... Не знаешь, как наряды закрывают, а туда же... Начальники...

Голос у Паши дрожал, тающий в волосах снег, вместе с песком тек по лицу. Может быть, это были слезы.

– Вот бараны, сами себя по рукам бьют, – шум стал обреченно утихать. – Еще подряд называется?!

– Я же говорил, – не унимался Динозавр, – за два месяца спокойной работы получили бы вдвое больше. Так нет, расшумелись: рекорд им подавай! – Изобразил на красной роже масляную улыбку рекордсмена с первой полосы газеты и завихлял бедрами. – Сколько раз зарекался бросить геологию, так нет, чуть запахнет весной – вожжа под хвост.

– Моя вина! – шмыгнул носом Паша. – Нужно было сразу о деньгах вести разговор. Недоглядел... Салага... Все правильно. Были бы у меня деньги на сберкнижке – отдал бы. Нет их. Ну, убейте – так мне и надо!

Проходчики притихли, но вот из угла блеснул челюстями Хасан:

– А что, справный, молодой, ряха рязанская, на отвальную замаринуем под шашлык?!

Робко хихикнули несколько прокуренных глоток. Только Игорь с сочувствием посматривал из угла, понимал – рабочие пошумят и успокоятся, а Паше его ошибка, как нож под сердце.

– С этой экономией заработной платы, – тихо выругался геолог, о котором все забыли, – в плановых отделах и бухгалтериях на нас смотрят, как на кровных врагов. Они по копейке с вашего рубля имеют и вполне серьезно возмущаются, что нам дают возможность работать, а мы еще и деньги требуем. – Его не слушали, и он смущенно пробормотал, доводя высказывание до логического конца: – Условия для обдираловки существуют – потому и контингент в этих отделах подбирается соответствующий: нахалы, горлохваты, рвачи!

Паша хрипло вздохнул.

– Начальник партии просил четыре площадки под буровые сделать. Подумайте! Еще по сотне.

– Бадью ему на рыло! Пусть сам хватает перфоратор и бурит!

– Смотрите, фокинские не откажутся и опять у них зарплата будет больше... И еще начальник партии обещал банкет по окончании сезона.

– Да пошел он... На наши деньги нас угощать... Давай, закрывай шурф, выдернем на-гора технику и по домам.

Паша посидел, свесив голову. Страсти утихали. Он получил свое сполна. Вздохнул, тяжело поднялся, не глядя на рабочих, вышел из вагончика. Ветер с песком и снегом снова начал свою работу: рвал, обдирал, студил.

Молчавший Интеллигент вышел следом, глубже натянул шапку, уткнулся носом в ворот телогрейки, догнал Пашу.

Они вошли в склад, Паша достал откуда-то замусоленный журнал, полистал его, вскинул глаза на сочувственно молчавшего проходчика, криво усмехнулся:

– Он мне целую лекцию прочитал по экономике и социологии. Говорил: «Что будет, если каждый рабочий станет зарабатывать по тысяче в месяц?» Мол, нарушится какой-то баланс и тем, кто получает по сто пятьдесят – хоть в петлю!

– Демагог! – брезгливо скривился Интеллигент. – Если десять рабочих, у которых впереди безденежная зима, получают за месяц то, что заработали за два, – значит, в Африке слоны передохнут. А то, что сам круглый год получает в три раза больше оклада, в порядке вещей – элита!.. Не расстраивайся, переживем!

Паша поднял на него глаза. Они были еще красны от ветра и песка, но в них уже поблескивали упрямство и злость.

– Думаешь, Максимов получил первый пинок и сломался? – Выкинул в сторону поселка руку со сжатым кулаком в откровенном неприличном жесте: – Нас бьют, а мы толстеем! – Помолчав, добавил: – И умнеем тоже!

Игорь на какое-то мгновение смутился, но тут же рассмеялся сам над собой: деньги бы не помешали, но ему не было дела до бухгалтерских законов, он здесь временно.

– Гнусная, конечно, история, – сказал, посмеиваясь. – Но, какая иллюстрация к нашим разговорам... Нравишься начальнику – можешь не работать и получать премии, не нравишься – всегда найдется причина не выплатить тебе деньги. Отсюда и полуфеодальные производственные отношения. И так везде, на производстве, в науке...

Паша молчал. Ему было не до споров. Проходчик встал.

– Ладно, Максимов, действительно, все может быть и образуется... Когда-нибудь.

На фокинском шурфе монотонно выскакивала из ствола заледеневшая бадья с породой. Звенела мокрая руда, ссыпаемая в вагонетку. Бригаде еще долго работать – там только начали проходить последнюю рассечку. На первом шурфе оживление. Интеллигент выдергивал костыли, сбрасывал с эстакады рельсы, бил кувалдой по ограждениям: ломать – не строить! Динозавр сидел в кэша, двумя руками тянул на себя рычаг тормоза, стальной трос звенел струной: поднимали скреперную лебедку. Главный инженер партии был возле шурфа: тридцатилетний парень в меховой шапке с простым лицом, которое, оторвав взгляд, уже через секунду не можешь восстановить в памяти, присматривал, как бы проходчики не продали шоферам бревна. Они были нужны ему самому.

– Лопнет трос! – бросился к кэша. – Немедленно опусти, говорю, попробуем автокраном поднять... Опusti...

Динозавр, не отпуская рычага, с красным напряженным лицом, выругался:

– Не лезь под руку!

Лебедочный мотор напряженно выл, но медленно потянул вверх почти тонну металла с сорокаметровой глубины. Когда скрейпер легл возле шурфа на породу, обиженный главный инженер снова подбежал к Динозавру.

– Ты, Коля, со мной так не разговаривай. Мог сказать: Иван Александрович, вы не правы, мы уже не раз поднимали лебедку кэшой. Если осторожно, то трос выдержит.

– Так чо вы под руку лезешь?

Разъехались проходчики. Шурфы затопило водой. Шоферы и бурильщики давно выдернули бревна крепи, которые смогли достать сверху. Над пустыней носились студеные ветры. Песок наметало в щели вагончика, брошенного возле шурфов. Еще недавно здесь жили, спорили люди. А теперь зима. Летит над землей скудный колючий снег, не задерживается: ветер срывает его вместе с песком и уносит в сторону призрачного горного хребта,

по направлению южной расщелины, уже давно затопленной грунтовыми водами. Хлопает на ветру ставня пустого вагончика с несколькими драными телогрейками и с парой дырявых сапог.

За окнами кружился и мягко падал снег. Игорь сидел в библиотеке, обложившись книгами. Он пришел, чтобы заняться своим понятным и знакомым верхним палеолитом. Такая возможность появилась. За сезон он заработал втрое больше, чем раньше зарабатывал за год научной работой. Его жена стала женственней и веселей, теща относилась уважительней, да и сам он чувствовал себя уверенней, не поддавался на унижительные предложения по новой работе.

Из любопытства ему хотелось проверить несколько полузабытых исторических фактов, связанных с местами, где работал летом: Сарыишикатрау. Никто в партии не упоминал древнее название тех мест. Литература по палеолиту час за часом оставалась лежать на краю стола. Игорь читал о борьбе династий и племен, о том, что когда-то сдавал на экзаменах и вскоре забывал. Тогда беспокойная и жестокая юность человечества вызывала в нем почти бессознательную брезгливость бессмыслицей страданий и крови. И вот, уже несколько часов он не мог оторваться от этих удивительных книг.

Менялись народы, менялись этнические типы, и каждый новый народ вращался в эту землю. А пустыня, несмотря на кровавые жертвоприношения, оставалась все такой же равнодушной загадкой: не то старухой, не то девочкой. Что обещала? Чем обнадеживала идущих на смерть?

Там зной и холод одинаково люты, почти неземная, по скудности, жизнь. Пропылит тушканчик, изредка проскочит тощий заяц, облепленный клещами, худой, облезлый корсак пробежит по следу обескровленного зайца. Зато в избытке ползучих гадов, летающих кровососов, клещей. Здесь одна плата за жизнь – кровь!

И удивлялся сам себе Игорь, что сезон в геологии вспоминается даже с ностальгией и его, как свет мотылька, влечет этот гипноз крайностей, свойственный пустыне.

Погруженный в спокойные мысли, он возвращался из библиотеки. Хотел перейти улицу, на него надвигался москвич, но вместо того, чтобы проскочить, стал притормаживать и остановился.

– Интеллигент?! – Из-за опущенного стекла высунулся Мишка Лаптев в дурацкой меховой шапке. Каска ему больше к лицу.

– Лапоть?! – вслух удивился Игорь и сел в кабину.

Мишка стал рассказывать о знакомых, кто, где и как пристроился на зиму, про Пашу, который в управлении экспедиции на собрании по подведению итогов года устроил большой скандал.

– Концерт! Обозвал всех конторских жуликами. Командуете, говорил, потому что руководить лень. Чтобы руководить – работать надо и думать. Кулаком по столу стучать проще. Да только прока от этого мало. Что там было! – закатывался от смеха Лаптев. – Я думал, его разорвут, но даже не уволили, сам ушел и устроился на «ящик», в Оборонку, собирает крепкую бригаду бить шурфы. Проверочка там – зашибись! Меня взяли, Динозавра, Хвостова, Славку, Хасана отшили за срок, Китайца – видно, за то, что родился в Харбине и потомок белоэмигрантов. Косой с Фокой мылились, но получили отлуп от Паши. А про тебя он спрашивал, просил нас, если встретим, дать тебе его телефон. Позвони, если надумаешь. В Оборонке – порядок, там на деньги не скупаются...

– С дозиметром в забой? – недоверчиво скривился Игорь.

– Нет! По пашиным намекам – шурфы под ракеты! – Лаптев умолк, прикуривая, исподлобья бросил на Игоря быстрый, испытующий взгляд: – Паша сказал: пока Интеллигент не откажется – будем держать ему место. Думай и позвони! – Он достал записную книжку, полистал, записал Пашин телефон и они распрощались.

Игорь вернулся домой рассеянным, на вопросы жены ответил что-то невразумительное. Сидел за столом, тупо глядя в тарелку, потом заперся в комнате, в которую будто хлынул прошедший сезон со всеми его крайностями и трудностями. Вставали перед мысленным взором Динозавр, Шульц, Хасан, Хвост, Славка, Димка, бригадир: грубые и нежные, сильные и слабые, отчаянные и робкие – слепленные из крайностей, как сама пустыня. Вспоминались отдельные их фразы, мимолетные тени, отразившиеся на лицах при каких-то словах. И казалось Игорю, встретился он с ними совсем не случайно, а по какому-то высшему замыслу, неслучаен был в его жизни и Паша. И вдруг, со всей очевидностью для себя, Игорь понял, что при всей их чужеродности по образованию и воспитанию, лучше, надежней и порядочней друзей в его жизни не было и он, втайне, гордится быть среди них почти своим.